

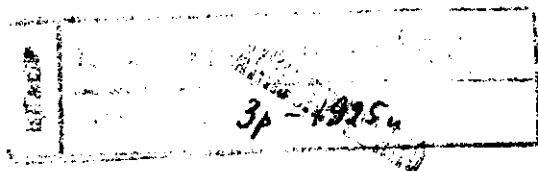
НОВЫЙ ГРАД

ИЗДАНИЕ
НАУЧНОГО ИИ-ОТДЕЛА
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

007
1141
76

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Стенуна и Г. Федотова

2

ПАРИЖ

1932

Россия, Европа и мы

Содержаніе:

<i>Г. Федотов.</i> Россия, Европа и мы	3
<i>Ф. Степун.</i> Задачи эмиграции	15
<i>И. Бунаков.</i> Два кризиса	28
<i>В. Вышеславцев.</i> Социальный вопрос и цѣнность демократіи	39
<i>П. Бицилли.</i> Проблема новаго средневѣковья	50
<i>А. Петрищев.</i> Преодоленіе трех соблазнов	59

Идея и жизнь

<i>Е. Скобцова.</i> Социальные сдвиги в эмиграции	70
<i>Ф. Степун.</i> О нѣкоторых культурно-философских и общественно-политических исканіях в современной Германіи	74
<i>С. Жаба.</i> Об испанской революціи	81
<i>Г. Федотов.</i> Уроки англійскаго кризиса	86
<i>От редакціи.</i> Нашим критикам	89

Книги

<i>П. Бицилли.</i> «Тридцатые годы». Утвержденіе евразійцев. —	
<i>Г. Ф. Siegfried.</i> La crise Britannique au XX ^e siècle. —	
<i>С. Жаба.</i> «1931 год. Что такое Россія?». — <i>П. Бицилли.</i>	
<i>Г. Н. Полковников.</i> Диалектика исторіи	91

Стоять на высотѣ не всегда удобно и безопасно. Головокруженіе не рѣдко отравляет радость развѣтывающихся далей. А если человекъ поднялся не для безкорыстнаго созерцанія, а для работы, то ему — кровельщику на соборном шпилѣ — угрожаетъ вполне реальная опасность свалиться в пропасть.

Русская эмиграція судьбой и страданіем своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандіозныя перспективы: во истину «всѣ царства міра и слава их» — вѣрнѣе, их позор. В міровой борьбѣ капитализма и коммунизма мы одни можемъ видѣть оба склона — в Европу и в Россію: дѣйствительность, как она есть, без румян и прикрас. Мы на себѣ, на своей кожѣ испытали прелесть обѣих хозяйственных систем. Кажется, будто мы и призваны быть безпристрастными свидѣтелями на судѣ исторіи.

Но это лишь кажется, это совсѣм не так. Мы не свидѣтели, а жертвы исторіи. Может ли сын, потерявшій мать, быть безпристрастным свидѣтелем в судѣ над ея убійцей? Есть священный эгоизм горя, который ослѣпляет. Мы ходим в кровавом туманѣ, гдѣ теряются для нас очертанія реальностей. И когда, не довольствуясь плачем Іереміи, мы пытаемся что-то дѣлать, как-то исполнить сыновній долг, наши руки производят неловкіе жесты, наши ноги скользят, и в ослѣпленіи благородныхъ страстей мы наносим новыя раны Россіи.

Помимо кроваваго тумана в собственныхъ глазах, нас ослѣпляет двойной свѣтъ, излучающійся из Европы и Россіи. В невѣрном, сумеречном этомъ свѣтѣ возникаютъ двойныя тѣни двойныхъ истин. Двойныя истины даютъ двойную ложь. Но, чтобы жить и дѣйствовать, надо бороться с призраками. Надо воспитывать трезвую ясность сознанія. Для этого есть только одно средство — кромѣ этического очищенія страстей: надо при-

учиться видѣть Россію в русском свѣтѣ, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта.

Русское несчастье в том, что Россія и Европа живут в разные историческіе дни. Я не хочу сейчас говорить о том, что раздѣляет Россію от Европы сущностно — изначально и навсегда. Нѣтъ, на том самом отрѣзкѣ пути, на котором мы идем вмѣстѣ — послѣпетровском пути Россіи — мы с Европой разошлись так далеко, что и голоса человѣческаго не слышать за рубежа. Эта пропасть вырыта самым фактом коммунистической революціи.

Россія поднята на коммунистическую дыбу. Во имя коммунизма в Россіи истребляются миллионы, отмѣняется христіанство и культура, воцаряется всеобщая нищета вокруг индустриальных гигантов-монастырей. Европа тоже тяжело больна, но совсѣм не коммунизмом. Имя ея болѣзни — капитализм, в планѣ экономическом, — націонализм, в планѣ политическом. Из соединенія этих двух нынѣ разрушительных сил рождается хаос, накапливается ненависть, готовятся потрясенія грядущих войн и революцій. Это такая простая, дѣтская истина, что не видѣть ея может только наше «священное» безуміе. Но отсюда происходят всѣ наши трагическія недоразумѣнія.

Русская эмиграція, пережившая величайшую революцію, выносившая в себѣ кровный (и до извѣстной степени оправданный) анти-революціонный опыт, очутилась на Западѣ, который живет накануне революціи — во всяком случаѣ, в предреволюціонных настроеніях. Может-быть, революціи здѣсь и не будет, может-быть, ее удастся предотвратить — смѣлым и быстрым строительством новой жизни. Но остается безспорной — устремленность Запада к новым формам жизни, муки родов его. У одних это наивный революціонаризм разрушенія, у других жажда социальнаго строительства, у третьих, наконец, «тревога» (*inquiétude*), явное ощущение недомоганія, болѣзни, даже смерти. Въ этих настроеній, в благополучном консервативном оптимизмѣ на Западѣ пребывает лишь очень малое число очень ограниченных людей — преимущественно на территории Франціи. У них то и ищет себѣ моральной поддержки несчастная русская эмиграція.

Все остальное в Европѣ подозрительно по большевизанству. И, вѣдь, это правда. Хуже всего, что это правда. С извѣстным преувеличеніем можно сказать, что всѣ порядочные люди в Европѣ сочувствуют большевикам. Но крайней мѣрѣ, всѣ люди со встревоженной совѣстью, устремленные к будущему. Я знаю, конечно, что и не порядочные большевизанствуют — по расчету или снобизму, — но не о них сейчас рѣчь. Нас мучит и волнует сочувствіе большевикам со стороны Р. Роблана, Дюамеля, лѣвых христіанских священников разных исповѣданій — моральной элиты Европы. Как объяснить его?

И здѣсь объясненіе так просто, что не видѣть его можно только в слѣпотѣ ненависти. Объясненіе в том, что человѣкъ, имѣющій общественный идеал, стремится видѣть его уже воплощенным в дѣйствительности — настоящей или прошлой. Конкретность воплощенія, пусть обманчивая, дает силы жить и бороться с дѣйствительностью отрицаемой. Отсюда старые восторги русских консерваторов перед Германіей, либералов перед Англійей, социалистов перед невѣдомой им Новой Зеландіей или Франціей эпохи революціи. В основѣ своей это все тѣ же поиски Опоньскаго царства с истинной Церковью на краю земли. Даль времен или даль пространства поддерживают дорогія иллюзіи. Как мемуары и историческія изслѣдованія не могли убить в русской интеллигенціи романтическаго увлеченія якобинской республикой, так и противорѣчивыя письма путешественников по Россіи и разноголосый хор русских эмигрантов безсилы переубѣдить желающих заблуждаться. Хочется вѣрить, что гдѣ-то в мірѣ, хоть в одной странѣ, осуществляется правда. Культурная далекость Россіи, неспособность понять ея дѣйствительно безумную сложность облегчает для европейскаго путешественника сохраненіе иллюзіи. Подумайте, как трудно для нас понять, что происходит в Китаѣ! Можно с горечью думать об узости человѣческаго сознанія, но нельзя подозревать чистоту моральнаго отношенія. Менѣе всего имѣет на это право русская эмиграція, которая всѣ свои оцѣнки подчиняет одной идеѣ. Для большинства из нас прекрасна та страна, тот режим (Италія, Болгарія), гдѣ гонят коммунизм. Развѣ трудно понять, почему европейцу, ничего не знающему о коммунизмѣ,

но от капитализма тяжело страдающему, кажется благословенной та страна, где, по исключению, капитализм гонят, где слово «буржуа» объявлено презренным?

Идейное большевизанство западного европейца коренится совсем в другой моральной почве, чем большевизанство русское. Как моральный симптом — обращенности к будущему — оно может быть расценено положительно, какой бы горечью оно нас ни исполняло. Правда, помимо моральных симптомов, есть еще волевая действительность, есть политическая и социальная целесообразность, с точки зрения которых добродетельная глупость часто оборачивается преступлением. Мир России не замкнут наглухо от Запада. Россия не Опонское царство. Завтра — не сегодня — коммунизм может стать реальной опасностью для Европы, в случае войны или срыва социальной работы, и тогда коммунистические иллюзии европейских идеалистов могут ускорить всеобщее разрушение. Вот во имя этого будущего Европы, как и во имя настоящего России, мы обязаны кричать об истине, которой сейчас не хотят слушать. Нужно понять только, что для того, чтобы быть услышанным Европой, эмиграция должна стоять на одной с ней почве: т. е. глядеть в европейское будущее, а не в русское прошлое. Minimum, которого Европа вправе требовать от нас — точная и добросовестная информация. И здесь наш грех велик — перед Россией. Годами русская эмиграция наводняла Европу фантастической информацией о большевизанской России. Всего какихнибудь 5 лет, как мы сами стали понимать — и далеко не все, — что происходит в России. Удивляться ли, что Европа, которую столько раз пугали «волком», уже не верит Павлушкѣ, когда он говорит правду? Но и правды фактов теперь уже недостаточно. Необходим верный моральный тон, чтобы победить недоверие к уже скомпрометированному источнику. Правду о коммунизме не станут слушать от защитников капитализма.

Но оставим Европу. Как ни существенна наша обязанность здесь — быть свидетелями о России — еще важнее другая: слушать Россию и быть готовыми к нашему историческому часу. Худо мѣрять Европу на русской аршин, еще хуже мѣрять

Россию на аршин Европы. Думается, что из смешения этих мѣрок оцѣнки возникают все наши внутренние недоразумения. Отсюда противоположное, на первый взгляд, единение под одним знаменем людей совершенно различной этической и даже политической направленности. Отсюда непонятный восторг перед Западом и еще более непонятный для эмигранта восторг перед коммунистическими достижениями — в людях вполне приличных и иногда даже способных к здравому суждению.

За всеми различиями наших политических убеждений, стоит основное различие — русских и европейцев. Подходя к каждому эмигранту, важно всего знать, в какой среде он живет, на какие впечатлительности реагирует. Среди интеллигенции есть люди преимущественно русской и преимущественно западной культуры. Среди трудового эмигрантского народа есть большинство, живущее жизнью европейских рабочих, и меньшинство, в приложении своего труда не выходящее из круга эмиграции. У этих людей отношение к жизни совсем иное, хотя бы они читали одну и ту же газету и повторяли механически одни и те же избитые и стертые слова.

Уже противоречие между окружающей жизнью и личной культурой создает внутреннее напряжение, подкапывающее духовное равновесие. Но основное социальное отличие людей — в их отношении к действительности. Есть люди приемлющие и не приемлющие данность, примиренцы и протестанты. И в зависимости от того, какова эта представляемая, навязчивая действительность, отношение к которой определяет сознание, — Россия ли это или Европа, — мы получаем схематически следующие сочетания эмигрантской волевой направленности:

1. Русские протестанты,
2. русские примиренцы,
3. европейские протестанты,
4. европейские примиренцы,
5. протестанты русские и европейские.

Так как психологически невозможно принимать коммунизм и капитализм одновременно — развить только в капиталистиче-

ских кругах Европы, успешно торгующих с Россией, — то логически возможная шестая группа отпадает.

Протест национальной и демократической России против большевизма — это первичный и основной этос, который питал всё отпочковавшийся эмигрантский направлени. Этот протест остается и понынѣ священным и непререкаемым. Россия стала бы трупом, если бы вся пала на колѣни перед терзающей ее злой силой. Наше несогласіе на преступленіе, дѣлающееся полтора десятилѣтія, само по себѣ искупает наше добровольное изгнаніе. Политическая роль эмиграции может равняться нулю. Остается моральное значеніе — не подвига, но просто жизненной установки, — которая оправдывает — не нас одних, но Россію. Лишь бы только ненависть к врагам России не выражалась в ненависть к ней самой, покорившейся, не пригнетала темным злорадством, не отравляла ядами рабьего безсилія, провокаторской извращенности, свойственной побѣжденным. Просвѣдленная непримиримость — вот в чем мы больше всего нуждаемся. Так трудно это, так рѣдко и немногим дается. Непримиримость большинства всегда была темной. Может-быть, поэтому она уже выдыхается.

Непримиримостью жила и все еще живет огромная масса вчера военной, нынѣ трудовой эмиграции. Она не знает соблазнов Запада. Она живет почти без всякаго воздѣйствія его культуры, почти без языка. Но есть меньшинство, счастливое и культурное, для котораго Запад не оказался мачехой. Одни сумѣли устроиться, удержаться на буржуазном уровнѣ жизни. Для других культура Запада была тихой пристанью послѣ кораблекрушенія. В вѣковом налаженном строѣ быта и мысли, в успокоенности закатнаго классицизма русскіе скитальцы находят забвеніе всѣх проклятых вопросов. Грѣясь у чужого, уже догорающаго очага, боясь выглянуть в ненастье и бурю, что бушует по всѣм пяти океанам и потрясает всѣ материки. Судорожно хватаются за всѣ столбы: авось устоят перед бурей. У одних это консерватизм отчаянія, у других консерватизм безопасности — рента на дожитіе. Для тѣх и других націонализм и капитализм представляются самыми сильными опорами против социалистическаго вѣтра. Ослѣпленные не видят страшной раз-

рушительной силы этих мнимых «устоев», из которых один готовит войну, а другой социальную революцію. Они непременно разсердятся и искренне удивятся, услышав из уст не какого-нибудь радикала, а папы Пія XI обвиненіе их в содѣйствіи революции: «Особенно тѣ заслуживают обвиненія за свою бездѣйственность, кто не радѣет об устраненіи или измѣненіи порядка вещей, ожесточающаго массы и подготавлиющаго таким образом переворот и разрушеніе общества».

Не менѣе слѣпы, конечно, и тѣ, кто из двух консервативных устоев — націонализм, капитализм — замѣняет один демократіей, оставляя другой неприкосновенным: демократія не защита против поднявшейся социальной бури.

И консерватизм и либерализм суть рѣзкія проявленія русскаго западничества, поддерживаемаго отталкиваніем от современной России. Они становятся невыносимы, когда в них выражается тоска по комфорту, запоздалое упоеніе старой ветошью, уже доношенной Западом и бросаемой им своим духовным приживальщикам. Это социальный грѣх «буржуазности» в его чистом выраженіи.

Из этой русской среды выходят запоздалые защитники капитализма, столь рѣдкіе сейчас на Западѣ. Как ни странна идейно, как ни противоестественно морально защита капитализма в наши дни, нужно быть справедливым. У иных из наших «вождей» защита капитализма питается вовсе не западническими, а русскими настроеніями. В России капитализм далеко еще не изжил своих творческих возможностей. Война и революція жестоко оборвали расцвѣт его культуры на нашей родинѣ. Все хозяйственное сопротивленіе России коммунизму основано на неумирающих началах свободы труда и предприимчивости, спасающих (или спасавших) страну от окончательнаго удушенія и голодной смерти. Отсюда ставка на капитализм в России. Что при этом забывают о разлагающем, мертвящем значеніи капитализма на Западѣ, это объясняется полной духовной изоляціей от Европы. Люди могут читать иностранныя книги, встрѣчаться с людьми Запада, но быть совершенно глухими и слѣпыми к его жизни и страданіям. Если эта глухота и слѣпота объясняются исключительно заполненностью сознания мыслью

о Россіи, то онѣ морально простительны, что не мѣшает им быть политически вредными и идейно бессмысленными.

Между рядовой эмиграціей, отталкивающейся от Запада, и западническим примиренчеством ея вождей есть лишь видимость общей почвы. В лучшем случаѣ, эта общая почва опредѣляется отрицательно: ненавистью к большевикам. Но проходят годы; старыя раны зарубцовываются, а новыя больше говорят о себѣ. Беспросвѣтная нужда, борьба за кусок хлѣба ожесточают людей. Их отталкиваніе от Запада, первоначально окрашенное національно, наконец, принимает ярко выраженный анти-капиталистическій характер. Можно ли упрекать его в низменности побужденій за то, что в основѣ его лежит опыт личных страданій? Жаль, конечно, что люди не задумывались раньше над социальным вопросом, пока жизнь не ударила их больно по головѣ. Но опыт их, пусть запоздалый, не утрачивает объективнаго значенія от того, что он личный и кровный. Всякій ли доктринерскій защитник капитализма выдержит такое личное испытаніе: напримѣр, смерть своего сына от туберкулеза гдѣ-нибудь в рудниках Перника или Сент-Этьена?

Впрочемъ большинство молодежи, именующей себя пореволюціонной, пріобрѣтает новый социальный опыт не из личного ожесточенія, а из общих впечатлѣній западной культуры. Никто не вправѣ оспаривать безкорыстіе и идеализм ея мотивов. Она просто болѣе чутка, чѣм отцы, к окружающей, т.-е. европейской, дѣйствительности и — признаем это — лишена личного опыта и прежней и настоящей Россіи. Так нарастает отчужденіе и отталкиваніе, с одной стороны, между трудовой массой эмиграціи и ея вождями, с другой, среди интеллигенціи, между отцами и дѣтьми. И вот из этих анти-западнических, анти-капиталистических настроеній назрѣвает и в массах и в молодежи примиренчество по отношенію к большевицкой Россіи.

Разумѣется, это примиренчество не того тона, что у иногдо преуспѣвавшего в Россіи спеца, который, дѣлая карьеру среди общей катастрофы, оптимистически закрывает глаза на чужія страданія: искупительныя жертвы исторіи. Примиренчество эмигранта вырастает из его страданій. Ему начинает казаться,

что жизнь в Россіи не может быть хуже той, которая здѣсь гнетет его. Он начинает тосковать о возвращеніи. Возвращенство не политическая идея, а стихійная, низовая тяга, всегда очень распространенная в массах. Устали страдать и готовы сдаться на милость побѣдителя. В жизненном обиходѣ не осталось никаких идей, которыя прежде поддерживали в борьбѣ. Это процесс разложенія и вывѣтриванія активнаго идеализма. Идеологическія обоснованія приходят позже, если вообще приходят. Люди идут с закрытыми глазами — нерѣдко на добровольную смерть.

Но рядовые возвращенцы не создают идеологій. Идеологій создаются активными протестантами (против Запада), и жадно воспринимаются молодежью, готовой жертвенно служить Россіи. В примѣненіи к этим теченіям как-то неумѣстно говорить и о примиренствѣ перед Россіей, потому что в них кричит глухая потребность ея апогеоза. В них всегда звучит, хотя бы приглушенная, хотя бы осложненная, осанна революціонной Россіи. И вмѣстѣ с этим они несут с собой болѣе или менѣе выраженное оправданіе зла.

Среди этих теченій нѣкоторыя, смѣновѣховство и евразійство, были идейно значительны. Как в критикѣ своей, так и в пересмотрѣ русской философіи исторіи, они оплодотворили и будут оплодотворять русскую мысль. Но над всѣми ими тяготеет порок изначальнаго моральнаго излома.

«Пореволюціонныя» теченія не могут примириться с униженіем и паденіем Россіи. Поэтому они превращают их в предмет гордости. Они не просто ищут в сложном сплетеніи революціонных процессов свѣтлых явленій и сил. Они говорят «да» всему процессу в цѣлом, и, чтобы пронести это «да» сквозь мерзость и мрак дѣйствительности, они ее преображают. Выходят изображенія как нельзя болѣе похожія на картинки знатных иностранцев. И здѣсь и там оптимистическим пером водит одна и та же потребность — вдохновляющей иллюзіи. Честь тому, кто в наши дни, как Варрон, «не отчаялся в спасеніи отечества». Но мало чести тому, кто это спасеніе усматривает во вражеском (татарском или большевицком) насиліи над отечеством.

Анализируя подсознательное в «пореволуціонных» течениях, прежде всего нужно указать на их оторванность от настоящей Россіи, на их — в нашем смыслѣ слова — отрицательное западничество. Пусть это опредѣленіе кажется странным для русских націоналистов. Их націонализм питается отталкиваніем от Запада. Их панглоссовскій оптимизм по отношенію к Россіи возможен лишь при разрывѣ личной связи с Россіей — или при утратѣ живых воспоминаній. Россія мыслится уже не как живой народ, а как идея, антитетическая западной дѣйствительности.

В их «любви к отечеству» прежде всего не хватает любви, которая поглощается «народной гордостью». Гордость требует насвистывать побѣдный марш, провожая на эшафот старую Россію. Гордость заставляет закрывать глаза на страданія всего народа, влекомаго насильно на искупительную жертву за человечество. Гордость заставляет отождествлять себя с сознанием не распинаемых, а распинателей, потому что с ними — молодость, с ними энтузіазм и вѣра в будущее.

Религіозная транскрипція этой гордости в наши дни получила имя мессіанизма. Пореволуціонный мессіанизм означает вѣру в то, что Россія предызбранная и ведущая мір на путях Божіих страна, — несмотря ни на что. Ея грѣхи, ея злодѣянія не имѣют значенія. Болѣе того, они входят діалектическим моментом в ея служеніе. Между ея настоящей сатанинской славой и славой грядущаго Царствія Божія нѣтъ прерыва, нѣтъ отреченія, нѣтъ п о к а я н і я. В отличіе от мессіанства еврейских пророков, русское мессіанство лишено этического содержанія. Вот почему оно способно обернуться иной раз и вовсе антихристіанским имморализмом.

Русское мессіанство есть крайняя форма реакціи на западный соблазн, крайняя форма анти-западничества, и потому все же западничество. Как анти-западничество, оно наивно, но извинительно. И совсѣм иначе придется расцѣпить его, если услышать в нем голос, донесшійся из Россіи.

Голоса из Россіи доносятся слабо, но все же доносятся. Кричит на всю планету величайшими в мірѣ радіостанціями голос 10 миллионных молодых и жестоких строителей, воздвигаю-

щих свою башню на костях 150 миллионных. Но доносится и стон раздавленных — ста пятидесяти. Каким звукам мы здѣсь отдадим предпочтеніе? На чем построим наш звуковой, все еще безплотный, как бы призрачный образ Россіи? Этот выбор основной музыкальной темы Россіи — акт нашей свободы; совершая его, мы опредѣляем свою собственную судьбу.

Пореволуціонный про-большевизм дѣтей соотвѣтствует до-революціонному про-капитализму отцов. Хорошо (т.-е. прости-тельно, хотя и вредно), если тот и другой проистекают из отрицательных реакцій: анти-коммунизма одних, анти-капитализма других. Но жутко, когда на лицо внутренняя соблазненность мощью врага — все того же, на Западѣ и в Россіи, при всем различіи масок и харь.

Эта соблазненность во многих случаях не подлежит сомнѣнію. По отношенію к молодежи, она всего рѣзче выражается в их одержимости духами революціи. Это она кричит в них охрипшим ревом своих миллионных глоток. Это ея пожар опалил их лица, потемнѣвшія в дыму. Это ей они обязаны утратой и ясности зрѣнія и трезвости оцѣнок. Преувеличенное, барочное, демагогическое, порой безумное — таков их стиль. Но это стиль революціи. Как никто не замѣтил до сих пор, что они, заблудившіяся дѣти революціи, не имѣют никакого права на титул пореволуціонности? Трезвость — первый знак пореволуціонной эпохи.

Примиренчеству справа и слѣва, осаннѣ капитализму и коммунизму нужно противопоставить христіанскій протест против двуединого врага. В настоящем состояніи міра оппозиція — единственно возможная и достойная позиція перед ним. Но оппозиція не отвлеченная, не максималистическая, а готовая на труд и работу (не только на подвиг и жест), — работу становленія, строительства жизни. Любовь к человѣку — всегда конкретная любовь. Любовь к жизни — враг отвлеченнаго идеализма. Помогая новой жизни в ея побѣдѣ над силами косности и смерти, нельзя насиловать жизнь. Нужно больше слушать ея голоса, чѣм стараться перекричать их.

В свѣтѣ конкретного идеализма меркнут кумиры, обоженные идолопоклонниками идей. Мы начинаем сознать,

что капитализм — социализм — национализм — космополитизм не абсолютны, а относительны, исторически ценности. И это открывает возможность понять, наконец, различие исторического дня России и Европы. Одновременно самая отсталая и самая передовая, зарвавшаяся вперед и павшая на дороге, проводившая для всего мира опыт новой социальной конструкции, опыт, давший бесспорный отрицательный результат, — Россия возвращается к собранности, сосредоточенности, которая является одновременно покаянием и отдыхом, без которых ей угрожает смерть от физического и духовного истощения. Запад, упирающийся, косный, поставлен судьбой перед необходимостью идти, искать выхода, ставить новый социальный опыт. *Nic salta!* Ему страдания, ему труды завтрашнего (о, если бы сегодняшнего!) дня истории.

Вот почему возможно и, кажется мне, необходимо одновременно, «единицами устнами», утверждать:

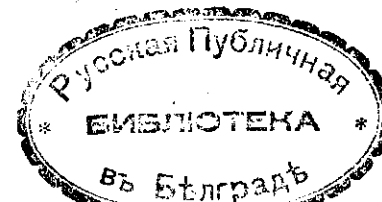
Для Европы организацию хозяйства, для России освобождение труда.

Для Европы преодоление национализма, для России развитие национального сознания.

Для Европы демократизацию культуры, для России — борьбу за качество культуры и т. д., и т. д.

Как совместить — идейно и психологически — одновременное утверждение противоположностей, — это другой вопрос. Решение его не легко. О конкретных решениях можно говорить много и долго. Общий ключ ко всем решениям — релятивизация исторических идей. Но эта релятивизация идей не имеет ничего общего с релятивизмом основной жизненной ценности. В разных стилях строительства должна утверждаться одна и та же правда: правда достоинства человеческой личности и религиозного смысла соборного дела культуры.

Г. Федотов.

Задачи эмиграции

1. Эмиграция на перевалѣ

Всматриваясь в процессы, происходящие сейчас в эмиграции, ясно видишь, что мы на перевалѣ. Нѣкая, господствовавшая до сих пор форма эмигрантского сознания, очевидно, разлагается. Ей на смену как будто бы слагается другая. С разложением первой связан рост пессимистических настроений в части эмиграции. Нарождению второй сопутствуют подъем и напряжение творческих сил.

Без ясного осознания сущности и смысла этого двуединого процесса невозможна никакая успешная работа в эмиграции. Постараемся же разобраться во внутренней природѣ того кризиса, который не со вчерашнего дня переживает общественно-политическое сознание русского зарубежья.

2. Культурная значительность

и политическая немощь русской эмиграции

Узко-классовый и небывало жестокий характер большевизмской диктатуры выбросил в эмиграцию отнюдь не только старорежимную Россию, но и весь верхний слой русской интеллигенции. Духовный и культурный уровень эмиграции очень высок. Не может быть спора о том, что пребывание эмиграции в Европѣ оставит по себѣ весьма замѣтный слѣд. Религиозно-философская и научно-исследовательская мысль немногочисленного эмигрантского народа, равно как и эмигрантское искусство, могут с успехом конкурировать с культурными достижениями цѣлаго ряда благополучно здравствующих европейских стран. Лишь в одной сферѣ эмиграция очень много дѣлала, но почти ничего не достигла: в сферѣ своей общественно-политической борьбы за Россию.

К весьма разнохарактерным общественно-политическим за-

дачам, которыя ставили себѣ весьма разныя теченія русской эмиграціи, можно относиться по разному. Подымать сейчас спор о том, кто был в свое время прав: интервенціонисты или представители «новой тактики», — неумѣстно. Разрѣшеніе этого, нынѣ уже чисто «академическаго» спора мы можем спокойно предоставить будущим историкам русской революціи. Для нас несравненно важнѣе разрѣшить совсѣм иной вопрос: вопрос о том, почему эмиграціи не удалось осуществить ни одной из поставленных ею себѣ общественно политических задач.

Всѣ попытки вооруженной борьбы с большевиками обанкротились. Всѣ мечты по созданію общеэмигрантскаго представительства подъяремной Россіи в Европѣ — разлетѣлись. Вліяніе научных работ эмиграціи по изученію Совѣтской Россіи минимально. Европейцы больше вѣрят большевикам, чѣм нам. Но что самое прискорбное; это то, что старшее поколѣніе эмиграціи не сумѣло завѣщать своего общественно-политическаго credo и своего антибольшевицкаго пафоса своим собственным дѣтям: дѣти или денационализируются, или... большевики-зантвуют.

В чем дѣло? Как объяснить это тяжелое поражение эмиграціи как раз на том фронтѣ, на котором побѣда была ей гораздо нужнѣе, чѣм на всѣх остальных, взятых вмѣстѣ. По моему глубокому убѣжденію, причину надо искать в преимущественном господствѣ в эмигрантской средѣ той дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія, которая нынѣ переживает тяжелый кризис.

3. Дореволюціонная форма антибольшевицкаго сознанія¹⁾

Сущность дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія заключается в упрощенном ощущеніи большевизма, как простаго отрицанія подлинной Россіи и подлинной революціи. Отсюда — в право-монархическом лагерѣ — утопическая мечта о дофевральской Россіи (февраль для этого лагеря — только начало октября), а в лѣво-республиканском — о дооктябрьской, февральской свободѣ. Самую разительную форму-

¹⁾ Ю л о г и ч е с к о й безсмысленности этого словосочетанія см. 4-ую главку.

лою этой реакціонной сущности эмигрантскаго антибольшевизма является не раз высказывавшееся — с особою силою в лѣвых кругах — мнѣніе, что большевики не революціонеры, а контр-революціонеры, что большевизм не революція, а контр-революція. Ничего теоретически болѣе ложнаго и практически болѣе бездѣйственнаго выдумать нельзя. Корень этой несостоятельной выдумки очевиден: он заключается в неправильном противопоставленіи «февраля» и «октября».

Конечно, положительная идея революціи связана не с октябрем, а с февралем. Февральскіе лозунги родины, свободы и социальной справедливости и сейчас составляют красугольные камни того міросозерцанія, под знаком котораго только и возможна борьба против большевизма. Вѣрность этого положенія должна быть признана неизблемой. Отказ от нея равносителен принципіальному переходу на сторону большевиков. Все это так. И все же из этого никак не слѣдует, что большевики — контр-революція. Не может быть никакого сомнѣнія в том, что исторія, оставившая титул подлинных революціонеров за якобинцами, оставит его и за большевиками. И, конечно, не по прихоти и произволу, а по тому углубленному пониманію діалектики революціи, котораго не хватает дореволюціонному сознанію эмигрантскаго антибольшевизма.

Установленіе правильнаго отношенія к большевизму, а тѣм самым и правильных методов борьбы с ним, требует отчетливаго осознанія того факта, что сущность революцій состоит не в провозглашеніи революціонной идеи, а, как бы это ни звучало страшно, в е я р а з р у ш е н і и. Подлинная революція — всегда страдальческій путь верховной революціонной идеи: — ея предательство, смерть и ея возрожденіе.

Чѣм объясняется неизбежность этого пути, и в чем его послѣдній метафизическій и религиозный смысл — не об этом сейчас рѣчь.²⁾ Сейчас, в цѣлях выясненія дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія, важно только одно: установленіе того факта, что этому сознанію недоступно то діалектическое пониманіе революціи, которое повелительно требует от п о р е в о л ю ц і о н н а г о сознанія такого замысла о но-

²⁾ Мысли эти были мною подробно развиты в статьѣ: «Религиозный смысл революціи». «Современныя Записки» № XL.

вой Россіи, который синтетически сочетал бы в себѣ тезис февраля с антитезисом октября.

Конечно, было время, когда углубленное пониманіе диалектики революціи, ощущеніе большевизма, как глубокой и провиденціальной темы русской судьбы, было и теоретически и нравственно почти что невозможно. Выяснившаяся нынѣ неизбежность окончательной ликвидаціи дореволюціонно-антибольшевицкаго сознанія опредѣленно запрещает нам тѣ заносчиво-несправедливыя сужденія, что, к сожалѣнію, все еще часто срываются с особо пылких пореволюціонных уст. Ни доблестнаго геройства блага движенія, ни великаго подвига демократической борьбы за свободу в совѣтских тюрьмах и застѣнках отрицать никто не имѣет ни малѣйшаго права. Но, отдавая долг прошлому, надо твердо помнить, что прошлое прошло и что рѣшительно нѣтъ никакого другого пути к спасенію его свѣтлой памяти, кромѣ пути мужественнаго отказа от инстинктивнаго стремленія длить его агонію. Люди, имѣвшие в свое время мужество смотреть в лицо смерти, должны найти в себѣ мужество посмотреть и в лицо правды. Правда же эта гласит, что 1) неприимимые галлиполійцы, упорно не читающіе большевицких книг и газет и не подающіе руки человѣку с совѣтским паспортом, 2) писатели, увѣряющіе, что с большевиками перевелись на Руси курскіе соловьи и русскія дѣвушки, 3) твердокаменные демократы, все еще утверждающіе, что у большевиков никогда ничего не выходит, так как в колхозах жеребцы стоят нечищенными, в школах нѣтъ карандашей и бумаги, и всѣ машины, привозимыя из за-границы, оказываются всегда без каких-то самых важных частей, — что все это уже давно не Россія, а потерявшая всякую связь с живой Россіей эмиграція, которая, «сто процентно» хороня большевиков, преждевременно хоронит и себя, как силу, способную на творческую борьбу с мировым злом большевизма.

4. Пореволюціонная форма антибольшевицкаго сознанія

Историческая задача все крѣпнущаго в эмиграціи пореволюціоннаго сознанія заключается в ликвидаціи охарактеризо-

ванной выше формы дореволюціоннаго антибольшевизма. Слова «антиреволюціонный антибольшевизм» представляют собою совершенно очевидный логическій абсурд. Если большевики — революція, то антибольшевизм не может быть дореволюціонным. Дореволюціонный антибольшевизм — все равно, что дореволюціонный антибольшевицкій антибольшевизм. Если я позволяю себѣ очевидно абсурдную (с логической точки зрѣнія) терминологию, то я дѣлаю это исключительно с цѣлью подчеркнуть тот дефект эмигрантской психологіи, который я считаю помѣхой в дѣлѣ борьбы с большевизмом. Трагическая неудача этой борьбы не в послѣднюю очередь объясняется, конечно, тѣм, что во главѣ борьбы стояли люди внутренне глухіе к сложнѣйшей темѣ большевизма, не чувствовавшіе ея глубокой укорененности в русской душѣ и русской исторіи, ея провиденціальности для наступающих судеб всего человѣчества, ея громаднаго размаха и тончайшаго соблазна. Всѣ эти, по своей природѣ и своей біографіи, консервативные люди не могли, конечно, быть настоящими антибольшевиками. Ибо невозможен антибольшевизм, не чувствующій природы большевизма. Всѣм политическим вождям эмигрантскаго антибольшевизма большевизм представлялся всего только страшным пожарищем деревянной, избяной Россіи, вызванным злостным поджогом компартіи. Образ этот вѣрен, но недостаточен. Большевизм не только злостный поджог и страшный пожар Россіи, он еще и вечерняя заря стараго міра и утренняя заря какого-то новаго дня исторіи, быть может, очень жестокаго и безумнаго (какой взойдет день, зависит, между прочим, и от каждаго из нас). Вот этой-то зари — сейчас мы это поняли — ни бѣлогвардейскими пулями не разстрѣляешь, ни демократическим краснорѣчіем не зальешь. Тут нужны иныя, творческія силы, которых до сих пор в эмиграціи не было, но которыя, быть может, нынѣ раждаются — силы новаго, пореволюціоннаго сознанія.

В чем сущность этого сознанія? В чем его главное отличие от сознанія дореволюціоннаго? Думаю, что все сказанное выше уже заключает в себѣ, хотя предварительный, но все же достаточно отчетливый отвѣтъ на эти вопросы. Главная разница между пореволюціонным и дореволюціонным сознаніями сво-

дится прежде всего к тому, что для дореволюционного сознания сущность большевизма в уничтожении правды вчерашнего дня, а для пореволюционного — в раскрытии его лжи. Что для дореволюционного сознания большевизм — только ложь, а для пореволюционного он не только ложь, но в известном смысле и истина. Разница этих установок определяет и разницу методов борьбы. В своей борьбе против большевизма пореволюционное сознание, в отличие от дореволюционного, опирается не на прошлое, а на будущее, в которое, в качестве определяющей его темы и проблематики, входит, по его мнению, и большевизм. Конечно, и пореволюционное сознание стремится прежде всего к спасению России от большевизма, но спасение это возможно, по его глубокому убеждению, только в сотрудничестве с изживающей сейчас большевизм новой Россией. Отсюда неизвестная дореволюционному сознанию, страстная заинтересованность всем, что происходит в Советской России: ее мыслью, искусством, литературой, бытом и т. д. По остроте этой заинтересованности человека пореволюционного склада проще всего отличить от типичного эмигранта дореволюционного толка. Такому эмигранту — монархисту или демократу, безразлично, — органически претит все происходящее в Советской России и все связанное с нею. Доказательство этому — почти вся эмигрантская публицистика, значительная часть нашей литературной критики и многое другое, во что подробнее вдаваться мне сейчас не приходится; касаюсь здесь broadly этого вопроса лишь затем, чтобы отметить характернейшую для многих представителей пореволюционного сознания черту подчас злобного отталкивания от эмигрантской психологии признанных вождей и деятелей культуртрегерского и политического зарубежья.

Органическое тяготение к крепко связанной с большевизмом Россией таит в себе явную опасность — ската к, печальной памяти, смеловществу. Как бы в предчувствии, но и в заклятие этой опасности все пореволюционные течения неустанно подводят под свои культурно-философские и общественно-политические построения твердый религиозный, религиозно-церковный, религиозно-бытовой фундамент. На ряду с некоторым антибольшевицким просветитель-

мом и отталкиванием от реакционной психологии эмиграции, эта крепкая, — подчас, быть может, слишком крепкая — религиозность, является третьим отличительным моментом нового сознания эмиграции. Все три момента сливаются в центральной теме пореволюционного мироощущения, в столь характерном для него романтически-профетическом национализме. Любовь к давно умершим предкам и еще нерожденным поколениям своеобразно сочетается в этом национализме со страстным отрицанием «промотавшихся отцов». Вечная тема России гораздо легче соединяется в представлении эмигрантских патриотов новой формации с самыми темными сторонами древней Руси, чем с самыми светлыми порывами новейшей России. Отсюда определенная склонность к архаизирующему восприятию русской истории и русского человека.

Что и на этом пути пореволюционному сознанию грозят страшные срывы, говорить не приходится. К сожалению, в писаниях пореволюционной молодежи часто проскальзывают ноты, дающие основание предполагать, что она скорее согласится назвать Сталина, по некоторому сходству с Грозным, православным человеком, чем признать подлинную русскость за мыслителем типа Владимира Соловьева, всегда защищавшего в своей публицистике не только христианский универсализм, но и демократическое свободолобие.

В заключение необходимо еще подчеркнуть столь характерное для пореволюционного сознания сочетание религиозно-культурного консерватизма с социальным радикализмом. Этим сочетанием объясняется ненависть к либерально-демократическому пониманию свободы. Христианское положение, что освобождение возможно только через Истину, соединяется в нем с твердой верой, что осуществление истины возможно, в свою очередь, только через насилие. Так складывается жесточайшее убеждение, что истина возможна только на путях насилия. Убеждение это, представляющее собою как бы quintessence отрицательных сторон пореволюционного сознания (его ложь), является одновременно и наиболее глубокою, ибо наиболее лично выстраданною верою некоторой части эмигрантской молодежи.

Говорить подробно о том, как оно слагалось — излишне. Оно и так ясно. Революция, бессилие демократического свободолюбия, успех большевицкого насильничества, лютые ужасы гражданской войны, вольное галлиполійское геройство, быстрая капитуляция свободолюбивых европейских правителей перед торговыми замыслами свободоненавистнической Москвы, мучительная эмигрантская маята по фабрикам, заводам, участкам и границам, словно проволочным заграждением опутанным непреодолимою для русского бѣженца сѣтью законов, всюду растущая безработица, лишаящая бѣженца насущнаго куска хлѣба, всюду поднимающаяся волна фашистски-націоналистических настроеній, враждебных русским гражданам, людям без родины — все это дѣлает, конечно, весьма понятной ту легкость, с которою многіе представители пореволюціоннаго сознанія предадут истину свободы насильничеству во имя истины.

5. Двѣ формы пореволюціоннаго сознанія

Охарактеризованное мною, весьма сложное и противорѣчивое, пореволюціонное сознаніе не со вчерашняго дня начало слагаться в зарубежьи. Можно считать, что прошло уже добрых десять лѣтъ с тѣх пор, как оно объявило войну дореволюціонному сознанію эмиграціи. За эти десять лѣтъ сдѣлано не много. Справедливость требует отмѣтить, что всѣ цитатели культурной, просвѣтительной и общественно-политической жизни эмиграціи, изначально занятые представителями дореволюціоннаго сознанія, и понынѣ еще не сдались, хотя во круг нѣкоторых из них уже давно вѣет творческой дух пореволюціонности. Причины этой неудачи весьма многообразны и сложны.

Чтобы хотя приблизительно разобраться в них, необходимо уяснить себѣ, что пореволюціонныя настроенія появились в эмиграціи в свое время в двух, рѣзко враждебных друг другу формах. Внутренне правильная форма пореволюціоннаго сознанія была выношена в Россіи и занесена в эмиграцію нѣкоторыми высланными из Россіи в 1922 году писателями и публицистами. В общем и цѣлом, пореволюціонное настроеніе этих высланных было встрѣчено эмиграціей, если можно так вы-

разиться, перваго призыва — в штыки. Лишь с очень немногими из эмигрантов-первопризывников удалось высланным сразу же найти общій язык. В этой встрѣчѣ было заложено начало той истинной пореволюціонности, которая призвана смѣнить реакціонно-эмигрантскій антибольшевизм.

Зиму 1922 года высланные из Россіи писатели жили в Берлинѣ вмѣстѣ с собиравшимися в С.С.С.Р. «смѣновѣховцами». Между взглядами «смѣновѣховцев» и тѣми взглядами, что нѣкоторые из высланных писателей отстаивали в спорах с защитниками дореволюціоннаго антибольшевизма, было, безусловно, нѣчто общее. Но была и одна, все общее уничтожающая разница: одни были только что изгнаны из Россіи, другіе по своей волѣ возвращались в нее.

Тот факт, что из этих двух форм пореволюціоннаго сознанія, истинная только что зарождалась, ложная же и лживая представляла собою уже довольно отчетливую концепцію лакейски-конъюнктурнаго смѣновѣховства, естественно скомпрометировал перед лицом первопризывной эмиграціи как бы самый нерв пореволюціоннаго протеста против всякой «эмигрантщины». Появилась подозрительная настороженность, предчувствіе и боязнь, что всякая заостренная против реакціонно-эмигрантскаго антибольшевизма пореволюціонность прямым путем ведет к соглашательству и ликвидаторству.

В этих условіях всѣм откровенно пореволюціонным концепціям надо было быть крайне осторожными, надо было не допускать в своих провозглашеніях никаких тактически-сомнительных приѣмов, избѣгать всякой двусмысленности. К сожалѣнію, большинство опредѣленно пореволюціонных группировок, появившихся в эмиграціи послѣ смѣновѣховства, допустили в этом отношеніи много ошибок. За спиною всѣх их, нѣтъ, нѣтъ, да и появлялась тѣнь смѣновѣховства, тяжелою плитою ложившаяся на работу по организаціи пореволюціоннаго сознанія, которая в тиши и исподволь велась нѣкоторыми эмигрантскими органами и группировками. Успѣшнѣе всего, быть может, Н. Бердяевым в «Пути» и тою группою сотрудников «Современных Записок», которая нынѣ заостряет свою дѣятельность на страницах «Новаго Града».

Эмиграція сейчас на переломѣ. Или она начнет очень

быстро перерождаться в лишенное всякого политического значения бѣженство, или она должна будет еще раз собраться с силами и перелить в новую и единую форму свое культурно-политическое сознание, — найти новую тональность своей волевой активности. Для меня ясно, что многообразно-единая форма новаго эмигрантскаго сознания, может быть нами найдена только при условии окончательной ликвидации — с одной стороны, реакціоннаго эмигрантскаго антибольшевизма (эмигрантщины), с другой — всякаго пореволюціоннаго смѣновѣховства. Опасность эмигрантщины, конечно, много меньше, чѣм опасность смѣновѣховства. Это объясняется уже тѣм, что представителями реакціоннаго антибольшевизма являются в эмиграціи отцы и дѣды. Среди этих эмигрантских «старшин» находится, безспорно, наибольшій процент образованных, культурных и, в масштабѣ прошлаго, значительных людей. Невозможность примѣненія знанія, опыта и образованности этих людей в работѣ преобразования эмигрантскаго сознания очень, конечно, печальна. Совершенно очевидна, к слову сказать, прямая связь между психологической реакціонностью эмигрантских отцов и дѣдов и быстрой денационализацией их дѣтей и внуков. И это ясно, — заставить молодежь жить любовью к портрету бабушки, особенно при условии, что портрет этот так слабо передает живую бабушку, как эмигрантская жизнь Парижа дореволюціонную русскую дѣйствительность — невозможно. Чтобы заставить молодежь интересоваться Россіей, надо вмѣстѣ с нею работать над вопросами современной русской жизни, исходя из круга тѣх интересов, которыми живет в эмиграціи русская молодежь. Русскіе студенты-техники, совершенно глухіе к сказанію о Китеж-градѣ, очень быстро интересуются Россіей, как только рѣчь заходит об индустриализации Урала или о побѣдѣ спортивной команды С.С.С.Р. над коммунистической командой Берлина. Это только примѣр, таких примѣров можно было бы подобрать много. Если, указывая на вред эмигрантщины, я все же говорю, что она не так вредна, как смѣновѣховство, то я хочу сказать лишь то, что она может лишь фактически сузить социальную базу эмигрантской активности (превращеніем отцов в тѣневое царство отошедшей Россіи, а дѣтей в иностран-

цев), но она не может заставить ее служить большевизму. Эта, гораздо болѣе страшная опасность, связана со смѣновѣховством, легко и незамѣтно вторгающимся в пореволюціонныя настроенія наиболѣе живой эмигрантской молодежи.

6. Пореволюціонное сознание и опасность смѣновѣховства

Говоря о смѣновѣховской опасности, грозящей пореволюціонным группировкам, я отнюдь не имѣю в виду того пути, что был сознательно выбран и до конца пройден группою смѣновѣховцев. Вопрос смѣновѣховства, организовавшагося в свое время вокруг журнала «Наканунѣ», прост и ясен. Группа эмигрантов, по тѣм или иным причинам, сдалась на милость побѣдителей, перешла в лагерь большевиков. О возможности такого перехода я ни по отношенію к «евразійцам», ни по отношенію к «младороссам», ни по отношенію к «утвержденцам», разумѣется, не думаю. То, что я имѣю в виду, есть нѣчто, гораздо болѣе сложное, гораздо болѣе тонкое и неуловимое... а тѣм самым и гораздо болѣе опасное. Я имѣю в виду опасность зараженія духом противника, которую несет в себѣ всякая страстная борьба. В борьбѣ с большевизмом очень легко обольшевичиться. Для этого достаточно хотя бы только временное согласіе на большевицкіе приемы борьбы. Нейтральных приемов борьбы не существует. За каждую систему приемов стоит мір совершенно опредѣленных ощущеній. Согласіе на большевицкіе приемы есть таким образом, неизбѣжно, и пріятіе в свою душу духа большевизма. Опасность такого безсознательнаго самоотравленія я и называю опасностью смѣновѣховства.

Об опасности зараженія большевицким духом говорилось и писалось в свое время много и в связи с неудачей бѣлаго движенія. Такая опасность бѣлому движенію безусловно грозила. Не подлежит никакому сомнѣнію, что бѣлое движеніе не всегда успѣшно справлялось с нею. Слишком часто оно превращало «ненависть», представляющую собою, по слову Ленина, «основу коммунизма», в единственную основу своей борьбы против Ленина.

И все же говорить о смѣновѣховской опасности по отношению к бѣлому движенію не приходится. Это объясняется тѣм, что для бѣлаго движенія существовали, в сущности, только большевики, но не существовала идея большевизма. Пореволюціонное сознание увидѣло в большевизмѣ идею. В этом его сила, но в этом же и его уязвимость.

Галлиполиец, так же беспощадно разстрѣливавшій большевика, как большевик-красноармеец бѣлогвардейца, большевиком, конечно, не становился. Младороссы же, ведущіе систематическій обстрѣл сознания и воли эмигрантской молодежи на опредѣленно большевицкій лад, прибѣгающіе к типично большевицким приѣмам агитации, к упрощенно-плакатному мышлению, к хлесткой, злой и веселой фразѣ, на добрую половину уже большевики; конечно, націонал-большевики, но это дѣла не мѣняет. Вѣдь, и Сталина многіе начинают считать за націонал-большевика.

В задачу этой статьи не входит анализ отдѣльных пореволюціонных теченій и раскрытіе в них тѣх элементов, которые должны быть поставлены на счет соблазна о большевизмѣ. Скажу только, что ничѣм иным, как дѣйствіем этого соблазна, нельзя объяснить печальной судьбы евразійства. Скат лѣваго евразійства к вульгарнѣйшему ленинизму всѣм памятен. Но не это существенно. Гораздо интереснѣе и симптоматичнѣе то, что с момента отхода от евразійства его лѣвых элементов, оно сразу же потеряло свою социальную-политическую душу и свернулось в клубок культурно-философских и географически-этнографических ученій. Правда, в нѣкоторых талантливых и живых статьях, напечатанных в «Утвержденіях», представители евразійства как будто снова силятся разжечь погасшую в нем общественно-политическую жизнь, но и эти попытки несут на себѣ опредѣленный отпечаток духовно-неблагополучнаго про-большевизма.

Из всего сказаннаго вырастает тревожный вопрос. Как же обезпечить пореволюціонным теченіям чистоту своих ученій и подлинную дѣйствительность своей работы?

Отвѣтъ совершенно опредѣленен. Во-первых, — не отрывать от эмиграціи; во-вторых, — не предавать религіознаго смысла свободы.

Всѣ срывы и вывихи глубоко праваго по своему основному устремленію пореволюціоннаго сознания объясняются несоблюденіем этих двух правил. Внимательное изученіе евразійства, младоросскости, утвержденства и всѣх других пореволюціонных настроеній отчетливо вскрывает тот фактъ, что, как только эмигрантское, общественно-политическое теченіе отрывается от своей социологической (эмигрантской) базы, оно сразу же подпадает под идеологическое вліяніе большевизма.

Застраховать от этой опасности пореволюціонное эмигрантское теченіе может только твердая вѣра в своеобразную миссію эмиграціи, нѣкій эмигрантскій миссіонизм. При наличіи такой вѣры самая рѣзкая критика эмиграціи будет ей только на пользу. При ея отсутствіи, она будет если и не на пользу, то все же на радость большевикам. Пореволюціонное сознание должно, таким образом, твердо стоять на точкѣ зрѣнія, что оно представляет собою не ликвидацию эмигрантской акціи, а, наоборот, начало ея подлинной реализаціи.

Только такая вѣрность своей судьбѣ в силах обезпечить эмигрантским исканіям новаго образа Россіи их единственное значеніе, которое не может заключаться ни в чем ином, кромѣ как в страстной защитѣ свободы, в качествѣ религіознаго центра духовно-культурнаго уклада и общественно-политическаго строя будущей Россіи. Не в отвлеченной выдумкѣ этого уклада и такого строя задача эмиграціи, но в извлеченіи его основной идеи из нѣмых нѣдр подъяремной Россіи. Задача эмигрантской общественности — создать идеологию будущей Россіи. Подъяремная Россія этого сдѣлать не может. Для этого нужен воздух свободы, котораго в катакомбах Россіи нѣтъ. Творческая работа эмиграціи должна соединять в себѣ покорную тонкость слуха со страстной напряженностью мысли. Необходимо прежде всего услышать новую идею Россіи, т.-е. нарождающуюся в ней духовно-душевную реальность. Необходимо, затѣм, ее логически раскрыть, защитить, отстроить и накрѣпко связать с конкретной политической борьбой. Только такое, на вольном эмигрантском воздухѣ свершенное раскрытіе логоса идеи новой Россіи, может дать ту идеологию, которая так необходима для возвращенія духа творческой революціи.

Ф. Степун.

Два кризиса

РЪЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА СОБРАНИИ «ДНЕЙ»,
ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА А. Ф. КЕРЕНСКАГО
«НА ПЕРЕЛОМЪ КРИЗИСОВ»

Сущность доклада А. Ф. Керенского сводится к слѣдующему: капиталистическій мір переживает в настоящее время кризис, но это не кризис всей капиталистической системы, а хозяйственный кризис в рамках капитализма. Капитализм блестяще разрѣшил проблему производства, поднял технику на громадную высоту и накопил такое количество благ, котораго до сих пор мір не видал. Но он не разрѣшил проблемы распределенія. Капиталистическія формы хозяйства создались в ту эпоху, когда капитализм имѣл національный характер. Теперь капиталистическое хозяйство — мировое. Потому старыя формы капиталистическаго хозяйства должны уступить мѣсто новым. На мѣсто свободной конкуренціи должно создаться организованное плановое хозяйство. Плановое хозяйство будет заинтересовано в ростѣ потребленія — увеличеніи заработной платы. Этим в значительной мѣрѣ разрѣшится и проблема распределенія. вмѣстѣ с ростом заработной платы сократится — благодаря достижениям техники — рабочее время. Мы на переломѣ мирового кризиса. Мір вступает в новую, высшую стадію капитализма — капитализма общественнаго и плановаго.

Отношеніе А. Ф. Керенскаго к совѣтскому хозяйственному кризису — иное. Совѣтская система не разрѣшила основной проблемы хозяйства — производственной. Индустриализируя страну без предварительнаго капиталонакопленія, она истощает силы населенія и пользуется принудительным трудом. В основѣ своей совѣтская система — не плановое государственное хозяйство, а уродливая форма примитивнаго капитализма; частно-хозяйственное предприятие партійной фирмы. Не разрѣшив производственной проблемы, совѣтское хозяйство обрече-

но на гибель. Оно будет или до основанія перестроено или, при сопротивленіи, взорвано.

Я должен сразу и твердо сказать, что не согласен с А. Ф. Керенским ни в его оцѣнкѣ мирового кризиса, ни в оцѣнкѣ кризиса совѣтскаго. Я не раздѣляю оптимизма А. Ф. Керенскаго по отношенію к капитализму и я не раздѣляю его пессимизма в отношеніи совѣтскаго строя. Я думаю, что капиталистическій строй в корнѣ подорван, и что нынѣшній кризис — не кризис в предѣлах капитализма, а кризис самой системы. Мір стоит перед великими потрясеніями. И, с другой стороны, я должен с горестью констатировать, что совѣтская система прочна, и потому увѣрен: если не будет организована серьезная борьба, ничто, в ближайшем будущем, не угрожает ей крушеніем.

Как возможно столь большое различіе в оцѣнках современности между А. Ф. Керенским и мною? Я думаю, что в основѣ наших разногласій различіе подхода, установки в отношеніи исторических событій. А. Ф. Керенскій стоит на старой, материалистической точкѣ зрѣнія, согласно которой общественный строй прочен, если прочно его хозяйство, и хозяйство прочно, если хорошо организовано производство. Но это взгляд устарѣлый даже с точки зрѣнія марксизма. Крушеніе общественнаго строя далеко не всегда совпадает с хозяйственной разрухой. Наоборот, великія революціи происходят обычно в эпохи хозяйственнаго подъема. Как утверждал Маркс: рост производственных сил рвет старыя общественныя формы.

В самом дѣлѣ. Когда разразилась великая російская революція? В эпоху величайшаго расцвѣта російскаго хозяйства. С конца XIX вѣка російское хозяйство развивается с американской быстротой. И, тѣм не менѣе, величайшая в мірѣ имперія рушилась буквально в один день. А великая французская революція? Развѣ она не произошла именно в ту эпоху, когда устарѣлое феодальное хозяйство смѣнялось высшим — капиталистическим? А всѣ остальные европейскія революціи — всѣ онѣ падают на XIX вѣк, вѣк величайшаго хозяйственнаго расцвѣта. Да и вообще правильна ли старая материалистическая концепція, утверждающая, что общественный строй опредѣляется его хозяйством? Я глубоко убѣжден, что нѣт. Общественный строй держится на душах людей. Революціи происходят не

потому, что хозяйство страны приходит в упадок, а потому, что сознание народа расходится с тем строем, в котором он живет, потому что души людей уходят от правящей власти. Прочен не тот строй, который питает тело народа — прочен тот строй, который держит его душу. Когда душа народа уходит от строя, строй обречен. Российская империя в течение столетий была нищей и голодной страной, и, однако, строй был прочен. Почему? Потому что душа народа была с властью. И именно в эпоху, когда хозяйство расцветало, когда нищета и голод уходили в прошлое, империя рухнула. Почему? Потому что душа народа ушла от нее. И то же было в Китае, в Индии, во всех странах Востока и всего мира.

Почему мир стоит накануне великих потрясений? Бывают эпохи, когда души народов боятся всего нового, трепещут перед всякой переменой. И бывают эпохи, когда человечество рвется к новому, жаждет перемены, трепещет от творческого волнения. Такую эпоху переживает человечество сейчас. Весь мир жаждет обновления. Надо быть глухим, чтобы не слышать страшных ударов, которые сотрясают мир. Северные путешественники рассказывают: когда теплые течения подтачивают льдовые льды, и ледяные горы с грохотом рушатся, человеческое сознание не может выдержать этого адского шума: люди впадают в мистический ужас. Сейчас рушатся льдовые цивилизации. Обваливаются грандиозные пласты человечества. Раздается адский грохот. Но мы глухи, и у нас слабое воображение. Мы читаем в газетах о кровавых столкновениях в Китае, о народном движении в Индии и не отдаем тебе отчета в том, что происходит. Китай насчитывает 400 миллионов населения — четвертую часть человечества. 4.000 лет сотни миллионов людей жили в тишине и покое. Но вот явился молодой человек, энтузиаст и мечтатель — Сун-Ят-Сен — увлек за собою души молодого поколения и до глубины всколыхнул весь 400-миллионный народ. Уже 20 лет Китай сотрясается в революционных судорогах. Почему? Потому что народ жаждет обновления. Потому что миллионы молодых душ почувствовали, что больше жить так, как жили до сих пор, они не могут. Потому что взоры миллионов отвратились от прошлого и устремились к будущему.

Идемте дальше. Вот Индия. 300 миллионов людей — пятая часть человечества. Тысячелетия Индия жила недвижимо и спокойно. Но вот пришел голый человек, почти безумный — махатма Ганди — и увлек души людей мечтой о новой жизни — теперь вся Индия, как на вулкане. Идемте дальше. На северо-запад от Китая и на север от Индии лежит великая страна, занимающая шестую часть земного шара и насчитывавшая перед войной почти 200 миллионов населения. Что с ней случилось? — В грандиозном порыве к будущему она совершила величайшую в мировой истории революцию и вот уже 14 лет мечется в революционной судороге. Вы думаете, что это не так, что российскую революцию совершила кучка злых людей; что, захватив власть, она держит в рабстве 150-миллионный народ, мирный и разумный. Вы ошибаетесь: российская революция — дело рук самого русского народа. Это он в почти безумном порыве к будущему — к обновленной жизни — идет по пути ошибок, насилия и преступления. За Россией — Германия, еще вчера мещанская, консервативная и благоразумная. Теперь вся она, как обезумевшая. Почти вся она идет за партиями будущего — коммунистами, национал-социалистами и социалдемократами. Партии прошлого и настоящего тают с почти молниеносной быстротой. Китай, Индия, Россия, Германия — это миллиард людей, большая часть человечества. Но, если вы взглянете в еще внешне спокойные страны — Францию, Англию, Америку — вы увидите, что и там — на духовных высотах и в народных низах — идет брожение. А колониальные страны — Египет, Инко-Китай и другие? Весь мир в порыве и волнении; все человечество рвется к новой жизни.

И для меня становится понятной и значительной та — для многих непонятная — дуэль, которая происходит на наших глазах, в этом зале, между А. Ф. Керенским и представителями пореволюционных течений. Чего хотят все эти молодые течения, выступающие перед нами — все эти утверждения, младороссы, народники-мессиянисты и фашисты? Они еще сами хорошо не знают этого. И еще меньше понимают их слушатели. Но зато одно они знают безспорно: так, как люди жили до сих пор, так дальше жить нельзя. Потому все они устремлены к будущему. И я должен заявить: в этой дуэли я целиком

стою на сторонѣ молодежи. Не потому, что она права, а потому, что она обращена к новой жизни. В спорѣ между А. Ф. Керенским, отличным политиком и опытным государственным дѣятелем, и этой молодежью вся исторія — ея ритм и трепет — на сторонѣ послѣдней. Она сама несет в своей душѣ историческій ритм. И когда А. Ф. Керенскій, борясь со всѣм нам ненавистной коммунистической властью, противопоставляет совѣтскому строю строй капиталистическій, он совершает громадную тактическую ошибку. Поступая так, он укрѣпляет коммунизм. Противопоставляя совѣтскому рабству капиталистическую свободу, он укрѣпляет совѣтскій строй. Ибо в сознаниі всей молодежи: совѣтскій строй — это ошибка и преступленіе, но на путях будущаго; капитализм — быть может, истина, но на путях мертваго прошлаго. Между прошлым и будущем молодежь всегда выберет будущее. Не соблазняйте ее прелестями и добродѣтелями капиталистическаго строя — он умер в ея душѣ. И если что-нибудь умирает в душах людей, рано или поздно оно умрет и в жизни.

Почему капитализм, так блестяще разрѣшившій проблему производства, все-таки уже умер в людских душах? Чтобы отвѣтить на этот вопрос, надо раскрыть сущность самого капитализма. В чем сущность капитализма? В свободѣ. Человѣкъ создан по образу и подобию Божію. Бог умер, но человѣкъ остался божественным существом. Как божественное существо, он от природы свободен и обладает священными неотъемлемыми правами: говорить, молиться, вступать в договоры, обмѣниваться товарами, владѣть собственностью. Дайте человѣку свободу, и он сотворит чудеса: преобразит скалы в сады, накопит матеріальныя блага, сдѣлает людей богатыми и счастливыми. Свобода — душа капиталистическаго общества. Люди капиталистической эпохи насыщены пафосом свободы и дѣйствительно творят чудеса: открывают новыя страны, накапливают несмѣтныя богатства, поднимают матеріальный уровень человечества на громадную высоту. Но та самая свобода, которая творит чудеса, в самой себѣ несет смерть порожденному ею строю. Свободныя личности, заряженныя хозяйственным пафосом, пущены в мір, точно одухотворенныя атомы — без плана и водительства. Время от времени они сталкиваются друг с дру-

гом в отчаянной и хаотической схваткѣ. Пока дѣйствующіе атомы, относительно, не многочисленны, и арена борьбы — весь раскрывающійся и еще не охваченный капиталистической лихорадкой мір, до тѣх пор схватки не продолжительны, хозяйственный хаос, порожденный ими ограничен в пространствѣ, и кризисы разрѣшаются быстро и безболѣзненно. Но по мѣрѣ того, как хозяйствующіе атомы умножаются, по мѣрѣ того, как все новыя и новыя страны вовлекаются в капиталистическій водоворот, когда, наконец, весь мір становится единым капиталистическим хозяйством, тогда схватки становятся безпощадными, хозяйственный хаос безисходным, и кризисы неразрѣшимыми. Взгляните на историческую карту капиталистическаго хозяйства. Оно возникло на маленьком полуостровѣ земнаго шара — европейском — и долгое время, в свою классическую эпоху, даже на этом полуостровѣ занимало маленькій сѣверо-западный кружок. Потом оно стало распространяться по всему полуострову, перекинулось в Сѣверную Америку и, наконец, охватило весь мір. Мировое хозяйство без плана и организации — подлинное хозяйственное безуміе. Оно и бушует в наши дни. Послѣ войны в Европѣ ощущался недостаток продовольственных продуктов. Америка распахала миллионы гектаров под пшеницу и другіе злаки. Недостаток был покрыт. Стали дѣлать запасы — годовые, двухгодичные. Когда запасы превысили всякую мѣру, поля стали забрасывать и запасы жечь. Германия взялась за переоборудованіе своей индустріи. Получила громадные кредиты, стянула капиталы со всего міра. Теперь германская индустрія оборудована так, как нигдѣ в мірѣ, громадные капиталы вложены в ея промышленныя предприятия, но сбыта нѣтъ. Фабрики стоят мертвыя — без движенія; капиталы иммобилизованы. И вокруг заброшенных полей и мертвых фабрик миллионы праздных людей, жаждущих работы. Может ли человѣческая совѣсть вынести это безуміе? Представьте на минуту в своем воображеніи подлинную хозяйственную картину міра: грандіозныя запасы матеріальных благ; неработающія, оборудованныя по послѣднему слову техники фабрики; заростающія сорными травами поля; и миллионы голодных и трудоспособных людей, не смѣющих прикоснуться к погибающим благам, не смѣющих вступить на поля и фабрики для работы.

Что же удивительного, если этот строй умирает в душах людей — не только рабочих, но и капиталистов? Даже королева, по блестящему образу Я. М. Меншикова, которую доят и молоко которой спускают в рёку, смотрит на него с презрѣніем.

И еще другое. Капитализм — это свобода. В капиталистическом строе свобода предоставлена всѣм — даже послѣдним отбросам человечества. От свободы у человека, попадающего в капиталистическій мир, кружится голова. Это и ощущали мы, русскіе эмигранты, когда, вырвавшись из совѣтскаго рабства, очутились в Европѣ. Весь мир открывался перед нами. Мы можем ѣхать, куда пожелаем: в Париж, в Лондон, Италію; мы можем отдаться любимой работѣ, наукѣ, искусству, выбрать любую профессію, дать дѣтям соответствующее их склонностям образование. Воистину, есть от чего закружиться головѣ. Но очарование длилось недолго. Очень скоро выяснилось, что реальной свободой могут воспользоваться немногіе — тѣ, которые имѣли капиталы в Россіи и успѣли перевести их в Европу. Для остальных свобода оказалась призрачной. Въмѣсто Лондона и Италиі мы очутились в Болгаріи и Сербіи — на шахтах и рудниках; и даже тѣ, которые попали в Париж, фактически вынуждены были селиться в Біанкурф — на заводах Рено. Мечты о наукѣ и искусствѣ, о свободном выборѣ профессіи пришлось оставить. Надо было брать ту работу, которая попадалась, и вести тяжкую трудовую жизнь. Мы утѣшали себя тѣм, что мы — жертвы революціи, что мы страдаем за грѣхи родины; но дѣти наши будут жить лучше — получат образование и выйдут в люди. Жизнь разбила и эти надежды. Мы не в состояніи дать своим дѣтям образование. Они кончают коммунальную школу и идут на работу — становятся вѣчными пролетаріями, нерѣдко пастухами. Вот когда подлинное отчаяніе вошло в наши души. Мы поняли, что формальная свобода — только призрак, иллюзія свободы. Что реально, в капиталистическом мирѣ, свободой пользуются только немногіе — привилегированные, что только одиночки — исключительно счастливые и одаренные — могут подняться в эту привилегированную среду из низов жизни. Что и мы, и дѣти наши, и внуки останутся на этих низах, гдѣ свобода — только мечта и иллюзія. И мы почувствовали себя так, как чувствуют себя звѣ-

ри в новых «свободных» звѣринцах. Теперь звѣрей не запирают в клѣтки, не приковывают цѣпами. Звѣри живут на «свободѣ». Но эта свобода — на сотнѣ-другой квадратных метров. Вокруг свободнаго пространства — ров, рассчитанный так, что перепрыгнуть его звѣрь не может. Слон свободно ступает нѣсколько шагов, доходит до рва и поворачивает обратно. Доходит до другого конца рва и идет назад. И даже царь звѣрей — лев — не рѣшается на безумный прыжок через ров. И, если рѣшается, падает в ров и жалобно стонет — приходит надсмотрщик и без сопротивленія, втаскивает его «на свободу». Вы скажете: так чувствуем себя мы — изгнанники в чужой странѣ. По-вѣрьте: так чувствуют себя девять десятых людей в их собственных родных странах. Современные рабочіе люди — такіе же «сознательные», как и мы, — как и мы, они жаждут не призрачной, а реальной свободы. Вот почему капитализм умирает в душах трудового человечества. И помните: что умирает в душах людей, рано или поздно — и скорѣе рано, чѣм поздно — умрет и в жизни.

Что же придет на смѣну капитализма? Совѣтчина? Коммунизм? — Я вѣрю, что нѣтъ. В европейском обществѣ много жизненных сил — оно должно найти в себѣ мужество и волю взяться за переустройство хозяйственнаго порядка, уже умершаго в душах. Если это будет сдѣлано во время, тогда европейская цивилизація будет спасена. Если нѣтъ, европейскому миру грозит величайшая катастрофа — то, что сейчас происходит в Китаѣ и Россіи. Хочу вѣрить, что этого не случится, что катастрофа будет предотвращена. И в этом отношеніи показателен примѣр Англии. То, что там происходит, значительно во всѣх отношеніях. В Англии сотряслось все хозяйство страны. Стал падать фунт. Казалось бы, всѣ англичане пойдут за людьми, которые взяли на себя спасеніе родины. Но нѣтъ, 7 миллионov английских рабочих — самых благоразумных и культурных в мирѣ — голосовали за Гендерсона, зная, что это грозит катастрофой и революціей. Почему? Потому, что національное правительство попробовало сократить тот минимум свободы, который они добыли — нѣсколько шиллингов для безработных. И, с другой стороны: громадное большинство голосовало за національное правительство — нашло в себѣ волю и

жертвенность для спасенія цѣлаго. Но характерно: во главѣ національнаго правительства оно поставило не консерватора — Болдвина, а такого же социалиста, как Гендерсон — Макдональда. Почему? Потому что он символизирует не прошлое, а будущее, потому что он смотрит не назад, а вперед. Я вѣрю, что и все европейское человечество найдет своих вождей, которые смѣло и мужественно возьмут на себя тяжесть и отвѣтственность за переустройство умершаго в душах хозяйственнаго строя. В каком направленіи? На каких началах? — Они уже сложились в наших душах и в нашем разумѣ. На началах плана и организациі; на началах реальной свободы — прав человека на достойное существованіе; на началах труда. Я не думаю, что в этом новом строѣ будут уничтожены капитал, частная собственность и свободный обмѣн. Но не они будут опредѣлять жизнь, не они будут руководящими началами народнаго хозяйства. Как будет называться этот новый строй? Позвольте ограничиться наименованіем — трудовой. Молодые теченія боятся имени социализма. Как герон Мольера, они не знают, что говорят прозой.

Теперь нѣсколько слов о строѣ совѣтском. Почему я не вѣрю, что этот строй рухнет не сегодня-завтра, почему я думаю, что он прочен? Развѣ я расхожусь с А. Ф. Керенским в его оцѣнкѣ? Развѣ я не знаю, что в Россіи голод, нищета и насиліе? Конечно, знаю. Наше расхожденіе в другом. Нѣсколько лѣтъ тому назад я был в Египтѣ. Видѣлъ пирамиды и храмы, гдѣ гранитныя плиты так пригнаны друг к другу, что игла не может войти между ними. Видѣлъ замѣчательную сѣть каналов. Как историк, я знал, что всѣ эти удивительныя творенія были созданы нѣсколько тысяч лѣтъ тому назад голыми и нищими рабами. Как возможно было этого достигнуть? Если вы думаете, что только свобода и капитализм могут творить чудеса, чѣм объясняется изумительное творчество Египта? — Историческая наука дает на это отвѣт. Египтяне вѣрили, что их фараоны — сыны Бога; что их воля священна; и что, строя для них пирамиды-гробницы и исполняя их волю, они служат Божеству. Значит, когда в душах народа есть вѣра во что-то священное, даже при рабском трудѣ он может создавать грандіозныя творенія. Думаю, что, в какой то мѣрѣ, нѣчто подоб-

ное происходит и в Россіи. Русскій народ строить свои пирамиды. Совѣтская власть — не чужая народу, и не одним насиліем она правит страной. Сам русскій народ в своем безумном порывѣ к новой жизни поставил ее над собою. Она увлекла его мечтою о мирѣ, хлѣбѣ и свободѣ, и он повѣрил ей. Я был дважды выбран в Учредительное Собраніе. Один раз от Черноморскаго флота. За меня было подано 17.000 голосов. Но и за большевицкаго кандидата голосовали 11.000 человек. И позвольте сознаться: и тѣ тысячи матросов, которые голосовали за меня, в душѣ уже были большевиками. Они и стали ими на другой день послѣ выборов. Кто видѣлъ народныя массы — крестьянскія, рабочія и солдатскія, — в октябрьскіе дни, тот должен имѣть мужество признать: весь русскій народ в то страшное время обезумѣл. С тѣх пор многое измѣнилось. Русскій народ отрезвѣл. Старшее поколѣніе отошло от совѣтской власти. Но за эти годы выросло новое поколѣніе, вылѣпленное властью по своему образу и подобию. Это и есть желѣзо-бетон совѣтскаго строя. Пусть многіе из молодежи ненавидят свою власть — они, как двѣ капли воды, походят на нее: по своим взглядам на Бога, на мораль, на семью и любовь; по всему складу своей души — по своей вѣрѣ в строительство новой жизни. Взгляните на их лица, — лица не обманывают. И вспомните, что среди этой молодежи есть отборная гвардія, насчитывающая миллионы — партійцы, комсомольцы, пионеры, ударники, выдвиженцы. Не обманывайте себя: это не только карьеристы и шкурники — это и вѣрующіе люди, умѣющіе работать не за страх, а за совѣсть, и умирать за свою вѣру. И неужели вы думаете, что 150 миллионов русских людей, тяжело работающих с утра до ночи — пускай по принужденію — возглавленные миллионами вѣрующих фанатиков и энтузиастов и руководимые лучшими нѣмецкими и американскими инженерами не могут ничего создать? Вы смѣшны в своей слѣпотѣ. И как вас убѣдить? Возьмите совѣтскія цифры — они говорят с громадных достиженій. Вы не вѣрите им? Возьмите показанія европейских ученых и наблюдателей — социалистов, либералов и реакціонеров. Что говорят они? — Всѣ они говорят, что в Россіи голод и рабство, но что Россія работает и творит. И что говорил здесь А. П. Марков? Что пятилѣтка провали-

вается, ибо план выполняется только на 70-75 процентов. Но вѣдь по плану производство в 1931 году должно было увеличиться чуть ли не на 40 процентов. Значит, и по Маркову в 1931 году было выработано не меньше, чѣм в 1930 году, когда производство сильно выросло. Но вѣдь 1931 год — год страшнаго мірового кризиса. На самом дѣлѣ неудача плана в 1931 году понятна и естественна. Для проведенія плана большевикам необходимы европейскіе машины и матеріалы. Для покрытія ввоза необходим вывоз. Цѣны на вывозимые продукты сильно упали. Покрывать старыя обязательства станоится трудно. Большевики вынуждены сокращать ввоз и свертывать производство. Индустриализація же страны продолжается и будет продолжаться.

Какой я отсюда дѣлаю вывод? Думаете ли вы, что я стою за совѣтскую власть? Нѣтъ, я ее ненавижу послѣдней ненавистью. И я зову на борьбу с ней. Но для того, чтобы успѣшно вести борьбу, надѣ правильно оцѣнить силы противника и надо найти оружіе против него. А. Ф. Керенскій недооцѣнивает силы совѣтской власти. Она очень велика. И, чтобы побѣдить ее, нужна могущественная рать. Как собрать ее? Как увести от власти души молодежи? Как взорвать совѣтскій желѣзо-бетон? — Надо совѣтскому идеалу противопоставить свой идеал, совѣтской вѣрѣ свою вѣру, совѣтскому энтузіазму свой энтузіазм. Но для этого не противопоставляйте совѣтскому строю строй капиталистическій. В его правду никто больше не вѣрит, ни один человек не пойдет за него умирать. Противопоставляйте совѣтскому строю свой новый град, построенный на трудѣ и социальной справедливости. Совѣтскому матеріалистическому міросозерцанію противопоставляйте свое духовное міросозерцаніе. Их интернационализму — міровой шахматной доскѣ — противопоставляйте лицо живой націи и подлиннаго братства народов. И больше всего, их рабству противопоставляйте свободу, но только не призрачную, капиталистическую, а подлинную, реальную. На построение такого града может собраться рать — вѣрующая и готовая на жертвы. Ея первыя битвы будут духовныя — за души искренних совѣтских энтузіастов. Ея послѣдняя битва будет революціонная — за свержение обездушенной совѣтской власти. И только такая рать может побѣдить.

И. Бунаков.

Соціальный вопрос и цѣнность демократіи

Всѣм извѣстно, что современный кризис есть кризис перепроизводства. Машины слишком много производят благ и слишком хорошо работают. В этом как будто вся бѣда. Американскій кризис можно формулировать так: в странѣ слишком много золота и слишком много хлѣба. Казалось бы, у современнаго человечества есть все, что нужно для благоденствія, досуга, процвѣтанія наук и искусств: хлѣб, золото, машины, изобрѣтенія. И все-таки ничего не получается: голод и безработица — рядом с излишками и перепроизводством. Однѣ группы населенія и однѣ страны «задыхаются от денег» — другія от безденежья; одни сжигают хлѣб — другіе голодают. Чего же не хватает людям? Есть энергія, жажда работы, научная гениальность, изобрѣтательность, есть огромный капитал накопленія, есть неиспользованныя богатства земли, — но нѣтъ чего-то самаго главнаго. Чего же именно?

Нѣтъ принципа распределенія. Нѣтъ любви и справедливости; и однако без них техническое умѣніе и богатство могут создать только социальный ад классовой ненависти, в котором одинаково задыхаются богатые и бѣдные под вѣчной угрозой взаимнаго пожиранія, в котором легко дышится одному только Марксу. Нѣтъ готовности «раздать имущество нищим» — даже тогда, когда его нельзя проѣсть, некуда продать, негдѣ держать (в какой валютѣ?).

«Раздать имущество нищим» не означает, конечно, древняго «нищелюбія». Сунуть калѣкѣ гривну на паперти не значит рѣшить социальный вопрос. Но все же социальный вопрос для своего рѣшенія требует готовности к жертвѣ, готовности отдать и раздать, требует любви и справедливости и притом с той и другой стороны: нищій, мечтающій ограбить богача, Маркс, мечтающій об экспроприаціи экспроприаторов, столь же

неспособен найти принцип распределения, как и классический капиталист, ищущий только дешевого труда и покорного рабочего. Но «раздать» не значит просто «отдать», — раздать значит распределить, решить «уравнение» права и справедливости, *summi cuique tribuere*. Кроме любви здесь необходима мудрость своего рода, и эта мудрость есть Логос права и справедливости, знание, воодушевленное любовью.

Что дело заключается именно в принцип распределения, это можно видеть на следующем примере, взятом из практики американского кризиса. Прежде, в случае безработицы в городе, рабочие выезжали на фермы для уборки полей. Чтобы убрать квадратную милю пшеницы, нужно было 700 человек. Теперь, при современных машинах, для этого достаточно трех человек! Таким образом 697 остаются безработными и могут умирать с голоду, ибо пшеница даром не раздается. Но и три работавших, если даже они и собственники орудий производства, будут в самом жалком положении, ибо они не могут никому продать свою пшеницу при наличии огромного большинства безработных, потерявших всякую покупательную способность. Вот схема, по которой объясняется появление безработицы и исчезновение спроса и рынков.

Или другой пример, близкий городскому жителю. Прежде целая армия оркестров и музыкантов обслуживала синемаграфы города; теперь достаточно, пожалуй, одного оркестра, чтобы наиграть музыку ко всем новым фильмам Парижа. Радио и граммофон делает огромное большинство средних исполнителей никому не нужным. Рационализация и технизация будут во всех областях увеличивать число безработных; быть может, оно будет расти в геометрической прогрессии. Некоторые с ужасом спрашивают себя: а что если огромное большинство всего человечества превратится в безработных? Ужасаются и проклинают рационализацию и машины.

Но парадокс в том, что «безработица» есть счастье, а не несчастье человечества, — есть мощь, а не бессилие, богатство, а не бедность. Развѣ все счастье в том, чтобы как можно большее число людей работало как можно больше? Развѣ это несчастье, что машина работает вместо человека, что суще-

ствуют уже теперь грандиозные предприятия, обслуживающие миллионы людей и управляемые немногими единицами? Таковы, например, городские водопроводы, канализация, динамо. Но все это потенциальное счастье превращается в актуальное несчастье в силу несправедливости, даже абсурдности распределения. Что если бы городские инженеры вздумали себя присвоить воду точно так же, как фермеры присваивают себе пшеницу, добытую при помощи мощных тракторов? Присваивают — и потом не знают, куда ее дѣвать.

Мы стоим перед проблемой распределения. Принципы производства безконечно опередили принципы распределения. Маркс, Ленин и Сталин не имеют в сущности никаких принципов распределения. «Право на удовлетворение потребностей» есть принцип смѣхотворный; «право на полный продукт труда» есть принцип индивидуалистический, отрицающий коллективизацию. А вместе с тем не имеют принципа распределения — значит не знают, в чем именно заключается «социализация», и чего ради совершается социальная революция. Вѣдь, производство остается в этом «коммунизме» совершенно таким же, как и в капитализме. Сказать: «орудия производства отныне принадлежат трудящимся» — значит ничего не сказать, ибо тезис «все принадлежит народу» совершенно тождествен с антитезисом «ничего не принадлежит народу». Надѣление крестьян землею тождественно с отнятием земли у крестьян. Отдача прибавочной ценности рабочему тождественна с отнятием прибавочной ценности у рабочего. Маркс, вѣроятно, назвал бы это диалектикой.

Но отнять все у всех — не значит еще распределить. Коммунизм провозгласил «плановость» и «госплан», но никакого плана не имел, и иметь не мог, ибо план распределения есть создание нового права, которого так жаждал русский народ. Народ, стихийно борющийся за какие-то «права», оказался «лишенным всех прав состоянія». И это потому, что марксизм отрицает право, как «буржуазный предрассудок», и, отрицая право, тем самым отрицает всякий организационный принцип распределения. В этом внутренний порок коммунизма. Маркс не знает субъективного права, не понимает и не чувствует его ценности, а потому не может поставить

и рѣшить проблему распределенія, которая заключается в слѣдующем вопросѣ: кто и на что имѣет право?

Никто не мог отвѣтить на этот вопрос в эпоху «военнаго коммунизма», не может в сущности отвѣтить и теперь.

Военный коммунизм представлял собою такую систему распределенія: единый диктатор с громадной арміей чиновников вышвыривает по своему усмотрѣнію пайки всему населенію, проводящему время в очередях. Система привела к тому, что «обмѣн веществ» в социальном организмѣ начал останавливаться, и страна начала умирать. Военный коммунизм захлебнулся в распределеніи. Тогда Ленин сдѣлал то самое открытіе, которое является его единственным открытіем в сферѣ распределенія: он открыл свободу торговли. С тѣх пор происходит непрерывное колебаніе между диктатурой распределенія в формах военнаго коммунизма и періодическими возвращеніями к нѣкоторым формам свободной торговли, доходящее до наших дней. Такая «діалектика» означает полную неспособность установить какой-либо новый принцип распределенія, который и составляет настоящее искомое в рѣшеніи социальной проблемы.

Можно представить себѣ три формы распределенія:

1. Автономія частнаго хозяйства, покоющаяся на римско-правовом понятіи собственности и свободной купли-продажи; это стихійно-случайное распределеніе, отрицающее всякую «плановость», и вѣрящее в естественную гармонию интересов, которую утверждала классическая политическая экономія. Такая система распределенія есть буржуазно-капиталистическая демократія. Кроме принципов частнаго права, она предполагает еще публично-правовой принцип личности, принцип субъективных публичных прав, установленный декларациями прав, принцип сущственно христіанскаго происхожденія. Система эта всѣм хорошо извѣстна: западный мір в ней живет; ея недостатки всѣм очевидны, гораздо труднѣе замѣтить тѣ правовыя цѣнности, которыя в ней воплощены и которыя должны быть сохранены на будущее время.

2. Противоположная система отрицает всякую частно-хозяйственную автономію, отрицает римско-правовую собствен-

ность и свободу торговли, отрицает субъективныя публичныя права, отрицает, в концѣ концов, всякое право и всякую свободу личности, отрицает, наконец, и самое христіанство, из котораго эта свобода выросла. Эта точка зрѣнія вѣрит в диктатуру абсолютной плановости, диктуемой сверху, в возможность все приказать, все декретировать, в возможность механически покорить всякую стихійность жизни. Это хорошо нам извѣстный режим «военнаго коммунизма», который воображает, что борется с капитализмом, воображает, что отрицает капитализм, а на самом дѣлѣ утверждает самую предѣльную и невыносимую форму капитализма, именно государственныя капитализм. Здѣсь тоже замѣчательная діалектика лозунгов: ниспроверженіе капитализма, имперіализма и монархизма приводит к государственно-капиталистической тираніи. Получается любопытное совпаденіе противоположностей: государственный социализм есть не что иное, как государственный капитализм; коммунизм есть послѣднее слово капитализма, вовсе не новое слово новаго міра, а всего лишь послѣднее слово стараго, всѣм ненавистнаго міра, завершеніе капитализма или капитало-коммунизм. Универсальная хозяйственно-политическая диктатура представляет собою гипертрофію имперіализма, монархизма и капитализма. Но, если в таком случаѣ коммунизм есть послѣднее слово капитализма, то как же вообще эта система может с капитализмом бороться и капитализм отрицать? Коммунистическій диктатор совершенно также и по тѣм же основаніям отрицает власть «буржуазных» королей и президентов, по каким прежде короли отрицали власть феодалов и боролись с ними. Борьба совершается во имя болѣе сильной и болѣе центральной власти. То, что коммунизм отрицает в буржуазной демократіи, — это не власть и не капитал. Он требует себѣ самому всю власть и весь капитал. Но он, дѣйствительно, отрицает всѣ остатки свободы и субъективных прав, которые еще присутствуют и свято охраняются в буржуазной демократіи. Настоящее противопоставленіе и настоящая борьба происходит не между капитализмом и коммунизмом, а между демократіей и диктатурой, между правовым государством и тираніей.

Объ эти системы распределения были испробованы на практикѣ. Русскій коммунизм дѣлал невѣроятныя усилія навязать Россіи и міру коммунистическую систему распределения, но постоянно принужден был возвращаться к старой системѣ свободнаго обмѣна. Третья, новая система распределения еще не была испытана в больших размѣрах, и ей принадлежит будущее. Она рождается из такого вопроса: вѣрно ли, что всякая личная свобода и всякое индивидуальное право отрицает возможность всякаго хозяйственнаго плана в широких размѣрах? Вѣрно ли, что всякая «плановость» возможна только в формѣ диктатуры? Развѣ невозможна всеединая хозяйственно-правовая организація, сохраняющая духовную свободу и субъективныя права личности? Так мы приходим к третьей возможной формѣ распределения.

3. Она есть социальная демократія, хозяйственная демократія в противоположность социальной и хозяйственной диктатурѣ; само-распределение, соответствующее государственному принципу самоуправления. «Плановость» и само-организація исходят снизу, а не сверху. Это требует новых форм собственности и вознагражденія за труд, и не в формѣ декретов и указов, а в формѣ новаго права, автономно установленнаго, в формѣ хозяйственнаго самоуправления. Возможность такой новой организаціи указывается опытом несомнѣнных успѣхов производительной и потребительной коопераціи, а также профессиональных союзов. Вообще принцип коопераціи будет центральным принципом универсально организованнаго хозяйственнаго самоуправления. Что такая форма распределения есть расширение до послѣдних предѣлов принципов демократіи и принципов правового государства—это самоочевидно. Право самоуправления (Self-government) расширяется до хозяйственнаго самоуправления. В противоположность этому государственный капитализм изгоняет и тѣ остатки самоуправления и личных свобод, которые еще сохраняются в современной демократіи наперекор тираническим тенденціям капитализма.

Объ послѣднія формы — и капитало-коммунизм, и хозяйственная демократія — требуют «плановости», универсальной организованности распределения, но вмѣстѣ с тѣм объ формы

представляют дѣйствительную противоположность. И только онѣ суть настоящіе враги. Напротив, капитализм в своем развитіи неизбежно переходит в коммунизм.

Настоящія силы, которыя сейчас столкнулись для рѣшенія социальнаго вопроса — это диктатура и демократія. Кто отрицает демократію в настоящее время, тот неизбежно должен утверждать диктатуру, и наоборот. Совершенно бессмысленно противопоставлять демократіи в современной жизни монархію или аристократію; современная демократія прекрасно существует в формах монархіи и есть представительная демократія и, слѣдовательно, аристократія своего рода (отбор посредством выборов). В современной жизни болѣе, чѣм когда-либо, необходимо понять принцип демократіи и цѣнности, достигнутыя демократіей. Демократія на Западѣ, а в сущности и во всем мірѣ, есть прежде всего факт, достигнутое состояніе, а челоуѣкъ вообще, и особенно молодежь, рвется к недостигнутому и недостижимому. Мы не замѣчаем цѣнностей, среди которых живем, которыми живем, как не замѣчаем цѣнности воздуха и воды. Онѣ становятся для нас цѣнностями и драгоценностями, когда мы их лишены. Такова цѣнность права: она переживается преимущественно через «лишеніе прав», через лишеніе свободы. Замѣчательно, что демократію теперь приходится защищать прежде всего в порядкѣ консерватизма и аристократизма. Диктатура и тиранія есть самая неаристократическая форма, предназначенная для низкой черни и рабов. Приходится защищать тѣ цѣнности, которыя признаны и отчасти осуществлены в демократіи. Приходится защищать цѣнность права и цѣнность отбора, совершаемаго из всей массы народа при помощи системы выборов. Консерватизм есть бережное отношеніе к цѣнностям, среди которых мы живем, и из которых мы творим будущія цѣнности.

Принцип демократіи, наперекор словесному смыслу, вовсе не есть власть народа и власть большинства. Принцип демократіи: правовое государство и автономія личности. Иначе говоря, ея принцип есть отрицаніе простого приказа, отрицаніе пассивнаго повиновенія, отрицаніе всяческой диктатуры и утверженіе

свободы и, прежде всего, субъективных, публичных прав. Основные формы современной демократии, несомненно, обеспечивают эти ценности; и их не обеспечивает никакой другой строй: ни самодержавие, ни абсолютная монархия, ни прямое народоправство античных республик или Новгорода, ни, конечно, все формы современных диктатур. Ценность свободы совести, свободы слова и свободы союзов — бесспорна с христианской точки зрения, ибо прямо выросла из христианства. Она есть ценность, лежащая в основе свободного общения духов, в основе духовного единства и, следовательно, в основе соборности и любви. Лишить человечество одной из этих свобод значит лишить его возможности осуществлять соборность и проявлять любовь, иначе говоря, стремиться к воплощению Царства Божия. Эти ценности, защищаемые современной демократией, суть вечные ценности, которые, с христианской точки зрения, перейдут в Царство Божие. Они уже содержатся в самой идее Царства Божия, ибо оно есть свобода, общение и союз.

Однако, демократия есть не только факт, достижение: в ней много недостигнутого и, быть может, недостижимого. Современная демократия покоится на некоторых принципах, которые лишь отчасти осуществлены в ней. Полное их осуществление есть задача бесконечного творчества. Всякая критика современной демократии сводится к указанию этих неразрешенных задач и невыполненных обещаний. Критика демократии есть, в сущности, указание на то, что факт демократии не соответствует принципу демократии. Такова, например, критика Острогорского, вся построенная на утверждении, что демократия не осуществляет автономии личности. Он вполне справедливо указывает на основную язву демократии и парламентаризма — на организацию партий: партии сами устроены совсем не демократически, а скорее диктаторно. Вся эта критика означает, в конце концов, что демократия недостаточно демократична. Критика исходит из принципа автономии, самоуправления и вовсе не думает этот принцип колебать. Совершенно к тому же сводится критика демократии с точки зрения отрицания капитализма и буржуазного либерализма. Ведь, отрицание либерализма совершается не во имя отрицания свободы, а

во имя расширения и углубления свободы. Те, кто критикует буржуазный либерализм, требуют сами экономической автономии, требуют хозяйственной демократии. Требуют, наконец, экономического права в субъективных публичных правах. (Право на достойное существование).

Следует отличать идеал демократии, как лично-общественного самоуправления — от фактических форм осуществления этого идеала. Парламентаризм и режим партий чаще всего и легче всего подвергаются критике и нападению. Следует, однако, помнить, что режим единой партии (как в коммунизм или фашизм) есть полная потеря личной свободы и индивидуального развития. Личность и творческая свобода угасают. С другой стороны, парламентаризм, несмотря на все свои недостатки, имеет одно величайшее преимущество, на которое не достаточно обращается внимания: это легкость свержения правительства. Всякая власть имеет тенденцию к злоупотреблению властью и потому должна быть периодически свергаема и смещаемая. Эта истина доказывается и будет доказываться всей историей человечества; и вот парламентарный строй имеет ту особенность, что он может свергать власть без всяких государственных потрясений, без казней, убийств, дворцовых переворотов и гражданской войны. Это преимущество совершенно неоценимое и в другом государственном строе недостижимое и немислимое. Последняя идея демократии, выражающая ее смысл и сущность, есть идея самоуправления. Тот демократ по духу, кто способен сказать: я сам! Я сам хочу действовать, творить, создавать свою судьбу; но я признаю, что другой человек есть тоже самость, субъект, дух, свобода. И весь народ тоже имеет право сказать: я сам! Личность и целое одинаково имеют право на самоуправление. Принцип демократии есть принцип права и справедливости. И этот принцип утверждает индивидуальную личность и коллектив — равноценны. Ни личность не может быть принесена в жертву коллективу, ни коллектив — в жертву личности. Кто утверждает, что этот принцип нарушается в современной демократии, в ее экономическом или политическом бытии, тот лишь критикует в сущности фактическую демократию с точки

зрѣнія идеальной демократіи. Тот лишь требует выполненія задач, которыя исторической демократіей поставлены, но еще не рѣшены.

Таков, прежде всего, социальный вопрос. Он может быть поставлен и рѣшен только в формѣ демократіи, ибо он есть вопрос права, вопрос самоуправленія и самораспредѣленія, вопрос о правах личности по отношенію к коллективу и о правах коллектива по отношенію к каждой личности. Реорганизация собственности и распределенія, перед которой стоит современное общество, требует соборнаго творчества; она неразрѣшима диктатурами и декретами. Слѣдует помнить, что власть, диктатура, тиранія неизбежно рождает бунт и сопротивление всѣх подсознательных аффектов. (Фрейд сказал бы: Эдипус-комплекс). Из темных глубин подсознанія вырастает стремленіе свергнуть patria potestas, патриархальную власть, убить императора, или тирана, будь то великій Цезарь, презрѣнный Нерон, или добрый «царь-батюшка», освободившій крестьян. Это сопротивление подсознанія столь огромно, что, если народ представит себѣ Бога по теоріи Ивана Грознаго, как небснаго самодержца и тирана, — то неизбежно у него возникнет стремленіе свергнуть и «Отца Небснаго». Современный психоанализ с огромной убѣдительностью показал радикальную неприемлемость для скрытых нѣдр подсознанія всѣх властно-диктаторных способов устройства личности и общества. Рабы суть всегда подсознательные бунтовщики, и, чѣм глубже рабство, тѣм ужаснѣе предстоящій бунт.

Но диктатура и власть особенно ненавистны в сферѣ экономической — это доказал военный коммунизм. И это хорошо помнят всѣ, испытавшіе его диктатуру. Слова «я сам» звучат в сферѣ экономического распределенія особенно мощно, ибо «я сам» означает здѣсь: «я сам знаю, что мнѣ нужно». Личность, получающая паек, всегда возмущена и всегда недовольна. Вот почему экономическая диктатура с ея произволом в распределеніи неизбежно должна опираться на всякаго рода карательные отряды, пытки и застѣнки. Иначе рабы немедленно растерзают диктатора-распределителя. Только самораспределеніе в формах права, мною самим вотированнаго и убѣди-

тельнаго для меня самого, для всѣх и каждого, может устранить этот накапливающийся комплекс подсознательной и сознательной ненависти. Вся проблема распределенія и вся реорганизация собственности может быть рѣшена только снизу, из нѣдр самого общества, в формѣ союзов, в формѣ широкой кооперации. Этого требует экономическая справедливость, этого требует хозяйственная демократія. Что при этом старыя партіи с их диктатурой вожаков и лидеров должны быть замѣнены совсѣм новыми организациями, на примѣр, профессиональными и кооперативными объединениями, что парламент, таким образом, должен быть существенно перестроен, это представляется несомнѣнным. Но это не отрицает идею демократіи, а, напротив, постулирует ея болѣе полную реализацию.

Современная буржуазная демократія с ея частно-хозяйственной автономіей построена на двух принципах, взятых из двух различных сфер права: 1) на принципах права частнаго (имущественнаго), имѣющих явно римское дохристианское происхожденіе, в силу рецепціи римскаго права в христианском обществѣ — и 2) на принципах права публичнаго и государственнаго, имѣющих явно христианское происхожденіе (таковы декларации прав с их свободами). Отсюда то удивительное противорѣчіе, что высокая оцѣнка и справедливая защита личности в сферѣ публичнаго права сопровождается полной беззащитностью и покинутостью в сферѣ реальных имущественных отношеній. Все государство стоит на стражѣ, чтобы защитить вас от самаго незначительнаго вора, но оно никогда не защищает вас от голодной смерти, от крайних несправедливостей распределенія.

Все наше гражданское (имущественное) право создано до Рождества Христова римскими юристами; оно совершенно иначе смотрит на личность и на субъекта прав, чѣм христианизированное право публичное. Таковы всѣ современные гражданскіе кодексы — от кодекса Наполеона до Германскаго Уложенія. Критикуя это послѣднее, Петражицкій написал слѣдующія замѣчательныя слова: «Составители Германскаго Гражданскаго Уложенія забыли, что послѣ Римскаго права был Иисус Христос и Евангеліе любви». Фихте глубоко чувствовал эту

несправедливость формального частного римского права, провозглашая свой новый принцип имущественных отношений: тот, кто не имеет никакой собственности — не обязан соблюдать ничьей собственности.

Кто критикует «буржуазность» демократии, тот критикует ее частное право с точки зрения верных и ценных принципов ее публичного права. Но следует помнить, что наше частное право само по себе вообще совершенно индифферентно к принципам демократии — оно потому и было кодифицировано абсолютной монархией (кодекс Юстиниана, кодекс Наполеона, свод законов Николая I-го). Вина демократии только в одном: она индифферентна к своему имущественному праву, которое противоречит ее центральному принципу: действительной автономии личности, равноценной автономии общества. Мы приходим к тому же основному утверждению: демократия недостаточно демократична.

Б. Вышеславцев.

Проблема нового средневековья

Наше время может быть названо эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедале и Икаре, и кончая романами Жюль Верна, мечтало человечество, о чем фантазировали утописты, что пробовали делать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, ныне претворено в действительность, стало предметом научного ведения и повседневной практики. Уже это одно может навести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человечество приблизилось к тому моменту, после которого, если не времени, то истории уже больше не будет. И только теперь становится ясно, что нет ничего ужаснее осуществления сразу всех возможностей. Ибо это уже само по себе порождает на-

копление жесточайших противоречий, — противоречий не теоретических, не умозрительных, а вполне реальных. Мы страдаем от избытка удобств, порабощаемся теми орудиями, которыми заставляем служить себя Природу; вынуждаемые пользоваться всем, оказываемся с пустыми руками. И приученные историческим мышлением последних столетий все объяснять генетически, люди, застигнутые врасплох и подавленные тяжестью всех осуществленных заданий всего человечества, начинают думать: не была ли ошибкой вся всемирная история, не является ли вообще человек какой-то ошибкой природы — недаром же Библия начинает человеческую историю с грехопадения. Так выворачивается наизнанку антропоцентрическое мировоззрение Ренессанса. Это предельная умственная дерзость, свидетельствующая о предельной же умственной лени. Нет ничего легче и проще, как отрицать решительно все — вплоть до себя самого. Чаще, впрочем, останавливаются на пол-пути и ищут ответов на поставленные жизнью вопросы, менее обезкураживающих и не столь глубокомысленно-упрощенных.

Широко распространено представление, в немалой степени обусловленное склонностью отождествлять, или выводить одно из другого, понятия, связанные общностью наименования: зависимость современного человека от материальных вещей есть плод материалистического мировоззрения, — представление весьма упрощенное и вряд ли в основе своей верное, ибо подавляющее большинство людей во все эпохи, при всяких мировоззрениях, всегда дорожило материальным преуспеванием; а между тем вопросы материального обеспечения редко когда играли в жизни такую роль, как сейчас — потому, что прежде, при большей простоте хозяйственной структуры, они разрешались гораздо легче. Если бы, при данной населенности земного шара, не существовало мирового хозяйства, жить было бы несравненно труднее, чем сейчас. Но с другой стороны, в силу того же условия, ответ на вопрос, удастся ли мне послезавтра пообедать, зависит не только от моей доброй воли, от моей готовности работать и от готовности моих сограждан дать мне работу, но также и от того, каков будет завтра курс какой-нибудь, никогда не виданной мною, валюты на Нью-Йоркской бирже.

Наше время, время результатов, свершений, есть тѣм самым время обособленія отдѣльных сфер человѣческой дѣятельности, время, когда каждая из этих сфер вырабатывает свою собственную структуру, и когда эти структуры становятся уже сами факторами исторической жизни, когда они приобретают свою собственную инерцію и свою внутреннюю законность. Так, напримѣр, непосредственной причиной мировой войны явилась инерція генеральных штабов, обусловленная невѣроятно усложнившейся техникой организациі армій. Не могла Россія дать положительнаго отвѣта на требованіе Германіи ограничиться, вмѣсто общей, частичной мобилизаціей — ибо не существовало плана такой частичной мобилизаціи, и нельзя было выработать его и ознакомить с ним надлежащіе органы в течение нѣскольких часов. Не могла Германія уступить желанію Англии и приступить к переброскѣ уже сосредоточенных на Западѣ войск на Восток: ибо это не было предусмотрено давно выработанным оперативным планом, так что, по выраженію фон-Мольтке, германская армія, при такой, импровизированной, переброскѣ, обратилась бы из арміи в орду. Вильгельм, настаивавшій на уступкѣ Англии, замѣтил, что старшій Мольтке дал бы ему не такой отвѣт. Это сомнительно. Но для Юлія Цезаря, для Атилы, для Карла Великаго было бы вполне возможно то, что было невозможно для Мольтке.

Обособленіе отдѣльных жизненных сфер и выработка собственной структуры каждой из них приводит к их равноправію. Еще в эпоху Ренессанса были в модѣ споры о том, какое искусство «достойнѣе» всѣх прочих, и еще Леонардо да Винчи доказывал, что живопись выше поэзіи, потому что живопись изображает вещи непосредственно, а поэзія посредством слова. Искусства и науки, располагавшіяся раньше по степеням достоинства, подобно тому, как люди распределялись по сословіям и по чинам, теперь равноправны, — как люди нашего времени. Принято связывать дух эгалитаризма, демократизма, уравнительнаго индивидуализма («Massenindividualismus», как выражаются нѣмцы) с тѣм же рационалистическим отношеніем к жизни, которое породило раздѣленіе труда. Нельзя, однако, смѣшивать спецификацію сфер труда с раздѣленіем труда. Надо различать раздѣленіе труда в одной какой-либо жизненной

сферѣ от того раздѣленія труда, которое обусловлено обособленіем сфер. Раздѣленіе труда в одной определенной сферѣ порождает неравенство, а не равенство. Студент, лаборант, приват-доцент и профессор на одном факультетѣ не равны между собою. Равенство патолога-анатома и археолога совсѣм не то же самое, что равенство патолога-анатоміи и археологіи. В настоящее время не только патолога-анатом «равен» археологу, но оба вмѣстѣ «равны» сапожнику и портному. Их равенство обусловлено тѣм, что всѣ они люди, почитающіеся равными, как таковые; тѣм, слѣдовательно, что они имѣют между собою нѣчто общее, преобладающее над их специальными функциями; тѣм, наконец, что, согласно трудовой теоріи цѣнности, — безразлично, вѣрна она или нѣтъ, — считается возможным свести один вид труда к другому и показать, что люди, работающіе «нормально», чѣм бы они ни занимались, расходуют одинаковыя усилія и несут, в сущности, при разной работѣ, одинаковый труд.

Если равенство между людьми возрастает по мѣрѣ того, как растет сознаніе, что то общее, что существует между ними, важнѣе и, в какой-то мѣрѣ, «реальнѣе», специфическаго, то напротив: равенство жизненных сфер возрастает по мѣрѣ того, как общее между ними умалывается, исчезает.

Равенство жизненных сфер и равенство людей — различныя понятія. Я могу уважать одинаково челоуѣка в художникѣ и ремесленникѣ. Но я не могу одинаково уважать торговлю и науку — по той простой причинѣ, что сами по себѣ жизненные сферы не являются предметом ни уваженія, ни неуваженія. То, что мы называем их равенством, есть не что иное, как их разобщенность. Законы политической экономіи нельзя «свести» к законам химіи или физики, и нельзя пробѣлы в нашем познаніи, скажем, хозяйственных отношеній, пополнять, черпая из запасов наук, вѣдающих, напримѣр, физическія свойства тѣл, как это дѣлалось в старину.

Кризис, который переживает современное челоуѣчество, объясняется тѣм, что эта тенденція отдѣльных жизненных сфер к обособленію, к автономности, все еще недостаточно осознана, учтена и осуществлена. Здѣсь сказывается склонность, свойственная подавляющему большинству людей, к недодумы-

ванію и к упрощенію проблем, к тому же підкрѣпляемая и получающая видимость обоснованія в руководящем принципѣ современной исторіософіи, исходящей из признанія наличности общаго каждому культурному моменту жизненнаго стиля. Так, напримѣр, авторитетнѣйшій соціолог, von Wiese, говоря о всепроникающей рационализациі жизни, как главной чертѣ нашего времени, приводит в примѣр входящій в обычай способ обозначать мѣсяцы цифрами, вмѣсто прежних названій. Но, вѣдь, это дѣлается только тогда, когда мы что-нибудь просто датируем. Ни один беллетрист или стихотворец не замѣнит в своем произведеніи слова М а й цифрой V. Непониманіе самозаконности и обособленности отдѣльных жизненных сфер сказывается постоянно в нападках на «варваризацию» языка, состоящую во вторженіи в тот или иной язык иностранных слов, причем блюстителями чистоты не дѣлается никакого различія между отдѣльными сферами приложенія даннаго языка. Латинизмы и грецизмы уродуют художественную или интимную рѣчь, но являются прямым благодѣяніем в научном языкѣ, так как ими поддерживается научная традиція, и, так как, благодаря им, облегчается взаимное пониманіе ученых, вынужденных читать книги на стольких различных языках.

Непониманіе специфичности структур отдѣльных жизненных сфер и служит причиной того, что современный человек изнемогает от изобилія всяческих достиженій. Каждая из этих сфер претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей, каждая давит на него всей тяжестью, как своего собственнаго, так и присвояемаго ей чужога бремени. Научный язык портит интимный, а заботы юристов о «чистотѣ» языка сковывают свободу научной рѣчи; интернаціоналисты, понявшіе, что хозяйство в настоящее время может быть организовано правильно только в міровом масштабѣ, но считающіе, что хозяйствованіе есть основа всѣх жизненных сфер, и «выводящіе» послѣднія из хозяйственной, подкапываются под самое бытіе отдѣльных націй, всячески добываясь предѣльной рационализациі національных культур, т.-е. их обезличенія, т.-е. уничтоженія; а національное соревнованіе обуславливает собою призрачную жизнь «національнаго хозяйства», препятствующаго развитію хозяйства міроваго. Если «національное хозяйство» есть в наше время только

призрак, гальванизированный труп, то **Нація, которая в эпоху меркантилизма, когда національное хозяйство было реальностью, была еще только неясным заданіем, стала нынѣ реальным фактом, таким же реальным, как міровое хозяйство.** Борьба этих двух, совершенно различных по своим собственным структурам, но неразмежевавшихся (оттого то и происходит борьба) реальностей, борьба, принимающая все новыя и новыя формы, может в конечном итогѣ привести к их взаимнистребленію. Націи, преслѣдующія осуществленіе того, что было нѣкогда косвенным условіем их внутренней консолидациі, но что не есть, по своей природѣ, существенная черта их индивидуальности, подчиняющія всѣ свои отправленія заботам об упроченіи національнаго хозяйства, могут умереть духовно, а мір успѣет за время, покуда длится эта борьба, обнищать настолько, что міровое хозяйство станет из реальности, пусть и неустроенной, неконсолидированной, недооформленной, каково оно сейчас, пустым словом.

Никогда еще, кажется, мір не был так безобразно хаотичен, так непрочен, так неустойчив, так полон противорѣчій, как в наше время, которому еще до войны, еще до Шпенглера, вдумчивые люди присвоили имя времени господства, над культурой, Цивилизациі, — слово, с которым связываются как раз противоположныя представленія о системѣ, порядкѣ, организациі. Но это мертвый и мертвящій порядок, видимость порядка, «покров, сброшенный над бездною», — хуже: камень, давящій собою ростки жизни. И как в пору европейскаго кризиса начала XIX столѣтія, так и теперь раздаются зовы назад, к органической эпохѣ, к средним вѣкам, к «новому Средневѣковью». Слово «назад» надо понимать условно, и недаром рѣчидет именно о **новом Средневѣковѣ**, а не о реставраціи стараго. Но надо все же дать себѣ отчет, чѣм «новое» Средневѣковье будет, если оно осуществится, отличаться от «стараго». Вопрос этот далеко не чисто, так сказать, академическій: ибо немало уже есть людей, готовящихся претворить слово в дѣло; и прислушиваясь к разрозненным голосам этих людей, интегрируя отдѣльныя мысли, отдѣльныя требованія, можно прійти к заключенію, что, для большинства приверженцев идеи «новаго» Средневѣковья, самым цѣнным в «старом» является

как раз то, что неосуществимо в новом, а именно — его структура.

По ее строению, Средневековую культуру можно уподобить ряду концентрических сфер. Средневековые строили свою жизнь по типу Вселенной, как она ему представлялась. Те сферы, к которым принадлежал каждый отдельный человек, — семья, род, цех или сословие, город, государство, церковь, включались одна в другую — меньшая в большую — так, что принадлежность к одной влекла за собою принадлежность ко всем остальным и вместе с тем так, что каждая меньшая была образом и подобием всех последующих больших, в первую очередь — всеохватывающей сферы, Церкви.

В настоящее время отдельные жизненные сферы, число которых чрезвычайно умножилось, перескакают между собою в самых разнообразных направлениях, сталкиваются, стремятся расширяться одна за счет другой, каждая влечет к себе человека, и, раздираемый ими, человек теряется, гибнет. Внести же между ними строй и лад по иерархическому принципу нет возможности, ибо обособление их собственных структур зашло черезчур далеко. Возможно только одно: идти до конца, признать право каждой из этих сфер на самостоятельное существование, произвести между ними размежевание, организовать каждую на одном единственном, ей и только ей присущем принципе, обособить, например, хозяйство и Nation так, как обособились уже давно наука и поэзия, изобразительные искусства и ремесла, которые во времена Данте и даже Леонардо да Винчи, еще составляли одно целое.

Но, ведь, все эти «сферы» суть, на самом деле, не что иное, как отдельные проявления человеческой личности и человеческой деятельности? Размежевать их столь последовательно — не значит ли это окончательно разложить человеческую личность? И можно ли проводить аналогию между, например, разграничением таких сфер, как наука и поэзия, и таких, как Nation (= национальное государство) и хозяйство? Ведь, не все люди занимаются наукой или поэзией, или обеими вместе, но все люди так или иначе хозяйствуют, и каждый человек принадлежит к какому-нибудь народу и является членом какого-либо государственного союза?

В средние века, чем шире была какая-либо сфера, т.е. чем большее число людей она охватывала, тем она была и «достойнее». Существовала как бы предустановленная гармония между «достоинством» сферы и ее объемом. Выше всех прочих стояла религия, которая в Церкви охватывала собою всех христиан. И вместе с тем она подчиняла себя всего человека, освящала и осмысливала собою все виды его деятельности. Сейчас сфера религии, с точки зрения объема, соответствует сфера хозяйства, т.е. деятельности, которая, как никакая другая, связана единственно лишь с чисто-разсудочной стороной человеческого духа. Хозяйствование подчиняет себя всех людей, но только частично каждого из них — и чем духовно выше стоит человек, тем меньше он связан с этой сферой. На этом примере выясняется особенность культуры нашего времени: иерархия планов, в которых расположены отдельные жизненные сферы не имеет ничего общего с объемами этих сфер. Нельзя представлять себе религиозное возрождение человечества, ожидаемое и требуемое идеологами «нового» Средневековья в виде реставрации Церкви, как высшей и вместе с тем широчайшей и авторитетнейшей организованной сферы. Это было бы возвратом к «старому» Средневековью и привело бы к тому же самому, что обусловило собою его разложение: т.е. к тому, что из универсальной духовной силы, религия, хватавшаяся за все, и вмещавшаяся во все, тем самым стала одним лишь из элементов культуры, и притом наименее значительным. Религия не есть «Privatsache», — это логически неложное понятие, ибо религия, в своем существе, есть не что иное, как общение религиозного субъекта с миром и с Богом. Но это общение мистического свойства. Оно совершается в плане, не имеющем никаких точек соприкосновения со всеми другими планами, в которых протекает жизнь — и именно потому оно осмысливает собою все виды деятельности человека и тем объединяет их, т.е. обеспечивает цельность человеческой личности. Вот почему излишне, ненужно и недолжно связывать, как это обычно делается, проблему религиозного возрождения человечества с проблемой разрешения современного хозяйственного, политического и правового кризиса. Или, вернее: следует продумать до конца первую из этих проблем, чтобы усвоить себе путь к ура-

зумѣнію сущности второй: а именно того, что каждой сферѣ человеческой дѣятельности присущ ея собственный план, и что поэтому надо начинать не с подчиненія однѣх сфер другим, а напротив, с послѣдовательнаго обособленія их, что в дальнѣйшем откроет возможность для их группировки по принципу большей или меньшей — или, наконец, никакъ — рационализаціи каждой из них. Другими словами: основная задача настоящаго времени — осознать «равноправіе» и вмѣстѣ несводимость Культуры и Цивилизаціи, освободить Культуру от Цивилизаціи, но также Цивилизацію от Культуры. К примѣру: самое ужасающее в современном коммунизмѣ это идея «плановой культуры», т.-е. «плановой» науки, «плановой» поэзіи, философіи — почему бы и не религіи? Но не большее пониманіе свободы проявляют тѣ либералы, которые во имя свободы личности отрицают социализм и плановое хозяйство. Разграниченіе сфер Цивилизаціи и Культуры будет, в конечном итогѣ, разграниченіем сфер коллективнаго дѣланія и индивидуальнаго творчества. В первой человек отдает часть самого себя коллективу — и чѣм безусловнѣе, чѣм полнѣе, тѣм совершеннѣе структура этой сферы: та часть, которая ему, как индивидуальности, собственно и не принадлежит, — безразличный, общій разумок. Во второй человек ничего не отдает, но все забирает себѣ: выражая себя, микрокосм выражает микрокосм, реализуя себя, реализует, по своему, Все. Проблема, подлежащая разрѣшенію — сдѣлать так, чтобы каждому, участвующему в первой сферѣ, была обеспечена возможность участвовать и во второй.

П. Бицилли.

Преодоленіе трех соблазнов

Об одном старцѣ

Не так давно нѣкій паренек Козьма К., «нансеновскій гражданин из безпризорников духовнаго сословія», говорил миѣ:

— В Россіи народ больше от правдобѣса страдает, а на вас тут больше чистобѣс и святобѣс верхом ѣздят.

Об этом паренекѣ придется рассказать особо в другом мѣстѣ. И лишь в подробном рассказѣ можно раскрыть, как могли такіа выраженія войти в язык молодого человека, какой обширный они имѣют смысл, и почему неудовлетворительными стали казаться старыя слова: «чистоплюйство», «пустосвятство», а понадобились новыя, активизированныя: «чистобѣсіе», «святобѣсіе». Но узкую суть явленій, обличаемых этими новыми словами, не столь уж трудно понять и без обширнаго описанія. Все-таки для большей ясности отмѣчу вкратцѣ: паренек Козьма К. не сам придумал новыя слова, — сказал их ему один «калужскій старец», впоследствии разстрѣлянный большевиками «за его праведную жизнь».

По ученію этого старца, — как передает его ученик Козьма, — самый безупречный праведник должен наравнѣ с самыми послѣдними грѣшниками говорить не только о себѣ, но и о дѣлах своих:

— «Се бо в беззаконіях зачат есмь и во грѣсѣх роди мя мати моя».

Ибо так установлено искони, — чтобы свѣтъ создавался из тьмы бездной и во тьмѣ свѣтил, и чтобы правду дѣлали люди из неправды и в неправдѣ, и чтобы чистота раждалась из грязи, а святость — из грѣха и в грѣхѣ. Само цѣломудріе «творится в желанном стыдѣ». И только так рожденное, оно — заслуга. А у безплотных оно не заслуга. «И мерину не чѣм хвалиться, — это у него не от своего духа, а от коновала»...

Проповѣдь старца, собиравшаго и поучавшаго безпризорников, простецкая. Тѣм легче ее понять.

Правдобѣсія

В осенем — н. г. — парижском докладѣ Ф. И. Дан высказывал, между прочим, такую мысль:

— Как бы ни был угнетен нынѣ русскій народ, но в нем велика и остра жажда социальной правды...

Над формой, в какой Ф. И. Дан облек эту мысль, иные посмѣялись. Суть же вѣрна: многое с народом и в народѣ случилось, но жажда социальной правды, сокрытой в «проклятых вопросах» неравенства и угнетения, осталась, — как осталась, добавлю от себя, и жажда вѣчной, боговой правды, за которой ходили — и продолжают ходить — «на Китеж». Эти духовныя историческія пріобрѣтенія прочіѣ московскаго храма Христа Спасителя, нерушимѣ Иверской часовни.

Стремленіе к социальной правдѣ вошло в механизм революціи, как одна из основных пружин. Но вошло, пожалуй, не положительною силою любви к справедливости, а отрицательной силою ненависти к эксплуатации, обусловленной преимуществами одних людей над другими. «Святая ненависть» требовала и продолжает требовать, чтобы социальное равенство не нарушалось ни накопленными преимуществами богатства, ни природными превосходствами дарованій, физической силы, даже пола, даже возраста, даже удачливости или счастливости...

Жажда вѣчной, боговой правды не только на Китеж посылает, — она вѣдь зажигала и костры Торквемады («дьяволово искушеніе», как опредѣлил Достоевскій). Вот такое же искушеніе постигло и «святую ненависть» к угнетенію. Пришел нѣкто и сказал:

— Чтoб не было эксплуатации, надо просто уничтожать тѣх, кто «социально опасен» своим пріобрѣтенным или врожденным превосходством.

Именно по этому «простому» способу и ведется построение социальной справедливости. 14 лѣтъ уничтожают людей за имущественное превосходство. Уничтожают за образовательное превосходство. Уничтожают за обладаніе талантом личной обаятельности, за способность пріобрѣтать «неофициальный» авторитет. Уничтожают за трудовое и хозяйственное превосходство

(к чему и сводится «ликвидация кулаков, как класса»)... Это и есть то, о чем говорил калужскій старец:

— Святая жажда социальной правды превращена в безуміе правдобѣсія.

Припоминая «толпу семнадцатаго года» — с горящими ненавистью глазами и с криками: попили нашей кровушки! — многіе до сих пор склонны говорить:

— Ну, что вы хотите? Дикари, охлос, хамы...

Но вот, казалось бы, не дикарь, не хам, Б. Шоу восторженно восхваляет построение социальной правды посредством убійств за превосходство. Еще убѣдительнѣе примѣр О. Бауэра: вождь австрійскаго социализма, хотя и не восхваляет, но все же признает московскій метод убійств цѣлесообразным... Очевидно, правдобѣс не из мелких чертей для простонародья. Он, подобно дьяволу Достоевскаго. — нечистая сила планетарнаго размаха, с претензіями на всемірно-историческую значительность.

И в Россіи он не только повелѣвает убивать, но и создал знаменательные разрывы настроеній. Не всѣ старые «борцы за социальную правду» перебиты. Физически многіе еще цѣлы. Но морально они подавлены успѣхами правдобѣсія. Давніе участники социалистических движеній, теперь они либо сожгли в себѣ то, чему поклонялись, либо боятся даже напоминаній о проклятых вопросах, — как бы по Тютчеву: «Бурь заснувших не буди, — под ними хаос шевелится»... Пафосом социальной правды одержима, оказывается, по преимуществу молодежь. Но эта молодежь не знает о гуманитарных способах построения справедливости, имѣет представленіе о них лишь по наслышкѣ. Соблазны правдобѣсія она должна как-то преодолевать своими силами...

Есть ли желаніе преодолѣть? И по изустным рассказам и по совѣтской печати, мы знаем о появленіи комсомольцев-крекстоспцев: бросают комсомольство и с крестом на груди уходят проповѣдовать «братолюбіе по Евангелію». Появились отшельники, праведники, «проповѣдники любви», — даже из бывших чекистов. Появились, оказывается, и «старцы», которые обличают правдобѣсіе по существу и зовут к реалистическому построению «правды из неправды и в неправдѣ». Сама

власть в Москвѣ от поравненій револьверами перешла к «установкам» на превосходные трудовые таланты и даже назначает этим талантам превосходное вознагражденіе. Конечно, с огеворкой:

— Частное накопленіе не допускается, всякій уклон к буржуазному неравенству будет уничтожаться...

Правдобѣс еще царствует. Но это, явно, не то царство, которому не будет конца. И соблазны этого владыки страна, видимо, преодолевает, — по крайней мѣрѣ, стремится преодолѣть.

Говорят: в русскую революцію вошло многое от крѣпостничества, и в ней особенно приспособленными оказались духовныя дѣти Салтычихи и Манилова, — от матери они унаслѣдовали садизм средств, от отца — фантазерство намѣреній. По скольку эти метафоры чему-то соотвѣтствуют, по стольку можно сказать: страна, несомнѣнно, движется к преодолѣнію прискорбной наслѣдственности, — и той, которая от Салтычихи, и той, которая от Манилова.

Чистобѣсіе

Есть другая безспорная пружина в механизмѣ революціи:

— Мы — народ... Наше право... Наша власть...

К этой мысли — или, если хотите, к этой страсти — диктатура 14 лѣт приспособляется посредством комедіи выборов, съѣздов, митингов, голосованій... Почему-то из явственнаго предрасположенія к народовластію, получается не демократія, а демагогія. Почему?

Пишу и припоминаю горячіе московскіе споры в мартѣ 1917 года. Не говоря уже о максималистах, лѣвых с.-р. и прочих «экстремистах», даже такой сравнительно умѣренный народник, как Н. П. Огановскій, горячо и взволнованно доказывал:

— Власть народу — да! Но что есть народ? Родзянко и Рябушинскій — не народ! Народом можно считать только трудовые классы.

Задолго до 1917 года обыкновенный, так сказать, натуральный народ, каким его «Господь народил», представлялся

разным дѣятелям революціоннаго движенія недостойным демократической благодати. Но в мартовскіе дни 1917 года старые идеологическіе споры на эту тему приобрѣли жгучую остроту дѣловаго вопроса: тактически понадобился чистый народ, свободный от скверных примѣсей. И выходило даже у народников, и при том умѣренных:

— Скворцов-Степанов и Кускова — чистые и благодати достойные, а Родзянко, Коновалов, кн. Львов — нечистые и права на благодать должны быть лишены.

По теоріи же таких марксистов, как Скворцов-Степанов (говорю о московских спорах 1917 года), выходило еще крѣпче:

— Кускова, Огановскій и Керенскій на придачу — безспорно, нечистые, чисты же только пролетаріи и члены авангардной пролетарской партіи...

Словами паренька Козьмы, эти замѣчательныя теоріи можно опредѣлить так:

— Чистобѣс сѣд верхом и стал головы крутить...

И крутил он головы не только «героев», — крутил головы и «толпы». Докрутил до отчужденія и народа, и власти народа, реалистическую демократію подмѣнил мечтательной трудократіей и добился, наконец, «рабоче-крестьянской»... Добился, но на этом не остановился.

В катехизисѣ («Азбукѣ») Бухарина чистыми были признаны только тѣ крестьяне, которые числятся в разрядѣ бѣдняков и батраков; сомнительными, лишь условно достойными благодати признавались еще середняки; всѣ остальные земледѣльцы объявлены были нечистыми. Потом катехизис Бухарина признали еретическим. Новую официальную «Азбуку» написал Керженцев, — и в ней уже все крестьянство признано нечистым, и бывшая «рабоче-крестьянская власть» объявлена «рабочей властью». В октябрѣ 1931 года и этот керженцевскій катехизис взят под сомнѣніе, и признано необходимым «вопрос пересмотрѣть с упором на коллективизацію». Не всѣ, оказывается, рабочіе чисты, — есть среди них и сомнительные. И не всѣ крестьяне нечисты, — «истинных колхозников» надо признать чистыми.

Не устает чистобѣс крутить головы. И уже немного ему осталось, чтобы докрутить до 360 градусов, и подвести к за-

ключительному выводу:

— Чисты только тѣ, кого признает таковыми политическій сыск.

Логически это равносильно перерожденію острого социальнаго вопроса в вопрос ритуальный. С точки зрѣнія самаго послѣдовательнаго чистобѣсія, оказывается, нѣтъ чистых классов и чистаго народа. Всѣ одинаково грѣшны или нечисты. Есть обыкновенные натуральные классы и обыкновенный натуральный народ... Официальная мысль приблизилась к логическому отрицанію своих исходных предпосылок. И движется она в эту сторону не случайно и не самотеком.

Отмѣнѣ «Азбуки» Бухарина предшествовала напряженнѣйшая борьба крестьянства против дѣленія на классы: «бѣдняки», «средняки», «кулаки». Появился многозначительный крестьянскій лозунг:

— «Не раздѣляйте нас, — мы всѣ равны».

Сомнѣнія в догматах «Азбуки» Керженцева возникли среди стихійнаго пересмотра рабоче-крестьянских взаимоотношеній. «Мастеровщина» и «деревенщина» не только физически перемѣшались, но и психологически породнились. Возник новый рабоче-крестьянскій лозунг:

— Раздѣлять нечего, — «мы всѣ теперь пролетаріи».

В народном сознаніи искомая эгалитарность пріобрѣтает значеніе не только права, но и обязанности отречься от соблазна преимуществ, которыя предоставляет начальство с цѣлью раздѣлить, разбить единство.

Совсѣм на днях мнѣ пришлось бесѣдовать с человѣком, убѣжавшим из СССР. Рѣчь зашла о довольно извѣстной теоріи «спасенія революціи», развитой русско-берлинскими марксистами. Согласно этой теоріи, революція обязательно погибнет, выродится в бонапартизм, если крестьянство самостоятельно пробѣет дорогу к власти, и может быть спасена лишь в том случаѣ, если пролетаріат, и не всякій вообще, а настоящій, социал-демократическій пролетаріат предварительно утвердит свою гегемонию и станет во главѣ движенія. Мой собесѣдник — он был связан с совѣтской заводской жизнью — охарактеризовал берлинскую теорію жестокими словами и добавил:

— За такую агитацію теперь на заводѣ могут и ребра пересчитать.

Показаніе свидѣтеля, конечно, нуждается в провѣркѣ. Но оно не противорѣчит свѣдѣніям из других — в том числѣ, и печатных — источников.

Святобѣсіе

Не столь замѣтна національная пружина в механизмѣ русской революціи. Сокрытію от поверхностнаго наблюденія много содѣйствовала хлынувшая в 1917 году из нѣдр струя глубинно-простонародных, издревле-мужицких мечтаній о безначальности. Это — мечтанія не о безчинствѣ, не о безпорядкѣ, а об избавленіи общества, «міра», от первороднаго, неизбывнаго грѣха власти, как основнаго препятствія на пути к истинной свободѣ и праведной жизни. Теорія мудреная, до сих пор не вполне понятая, но именно из нея-то и выросли такія глубоко русскія фигуры, как Бакунин, Кропоткин, и, в особенности, Толстой.

Сокрытію национальной пружины способствовали и побочныя обстоятельства. Комментаторы до сих пор стараются истолковать «крик солдатни семнадцатаго года»:

— Чаво там Расея! Мы — калуцкіе...

И они — комментаторы — клятвенно увѣряют:

— Сами своими ушами слышали, — вся солдатня кричала и отнюдь не саркастически, а буквально...

«Переворот октября» совершился под лозунгами, шедшими навстрѣчу жаждѣ избавиться от первороднаго мірскаго грѣха:

— Захват власти для уничтоженія и власти и самого государства...

Многіе признаки позволяли считать революцію антипатріотическим, антинациональным, антигосударственным бунтом. Но под властью, очевидно, антинациональной и антигосударственной, нашлась какая-то сила, которая ухитрилась «собрать разсыпанную Россію». Из хаоса анархических разбродов, классовых и многоплеменных усобиц вырос какой-то «совѣтскій национализм», «совѣтскій патріотизм». В его предѣлах «интер-

венционализм времен Бреста» (когда «варягов звали») претворился в мечту о войнишкѣ для внутреннего потребления:

— Лишь бы оружіе получить, — первым долгом свергли бы окверную власть, завели бы порядочную, а там посмотрим...

И как-то вдруг пресѣклась почти вѣковая «династія русских первосвященников в церкви анархизма». Исчезли из мирового оборота русскіе «апостолы анархіи». Зато появились в мировом оборотѣ русскіе первоучители Муссолини и Гитлера. И стал замѣтной — говорят, даже опасно, — величиной соблазн новорусскаго, совѣтскаго этатизма.

Россия как бы повторила в огромных масштабах нѣкогда нашумѣвшую исторію «Желтугинской республики». «Республику» эту основали русскіе бѣглецы в Китаѣ. Основали «на началах анархизма». И на ходу перестроили свой исходный, анархическій план в чрезвычайно суровый, отчасти даже свирѣпый этатизм.

Внутри совѣтскаго этатизма, хитро приспособляясь к нему, появились в самых разнообразных отраслях государственной и національной жизни работники-энтузиасты. И рядом с их самоотверженной работой по государственной линии идет отчаянный саботаж, уничтоженіе капитальных цѣнностей по линии борьбы против правительства. Мы и раньше умѣли это сочетать: несли государственную службу для пользы отечества и одновременно устраивали что-либо антиправительственное, чтобы, если не свергнуть самодержавіе, то хотя бы причинить ему неприятность, — и тоже для пользы отечеству. Сочетаніе нам знакомое. Но теперь оно чѣм-то примитивнѣе и в чем-то мудренѣе.

Борьба против новаго, неизмѣримо худшаго самодержавія тоже получила иную окраску. На стѣнах чрезвычайек еще кое-гдѣ сохраняются начертанныя матросскою рукой первых лѣт революціи надписи: «Да здравствует анархія». Онѣ никого не беспокоят. Но надписи: «да здравствует свобода» тщательно выскоблены. А если гдѣ-либо появляются вновь, — власть приходит в большое беспокойство. Серьезная неприятность грозит гражданам, если кто-нибудь вблизи их жилья начертает: «требуйте тайнаго голосованія». Но динамитные бакунинскіе лозунги — вродѣ: «дух разрушающій есть дух созидающій» стали

политически невинным муѣніем. Власть не считает соблазнительными для подвластных и опасными для себя противогосударственные призывы. Соблазнительными — и опасными для власти — стали реформаторскія государственныя мнѣнія, которыя прежде презрительно назывались бы «кадетскими», «мирнообновленческими» или даже «октябристскими».

В московских газетах промелькнуло подтвержденіе слухов о комсомольцах, которые, проводя возложенную на них «кампанію раскулачиванія», вдруг бросали свои «билеты», объявляли себя противниками «генеральной линии» и скрывались. Об одном из таких комсомольцев до меня дошли свѣдѣнія от достовѣрных людей. Этот комсомолец раскулачил два села, потом сбѣжал и ловили его на Камѣ, гдѣ он вел «противоправительственную пропаганду»: «убѣждал, что первѣе всего евангельскія заповѣди, а потом уже директивы партіи». Есть свѣдѣнія — также достовѣрныя — об опасном «контр-революционерѣ», котораго чекисты ловят в новгородских лѣсах и никак не могут поймать. Он тоже был чекистом и даже цалачем. Из особаго озорства — или духоборчества? — разстрѣливал (вопреки инструкціям) не в затылок, а в лоб. Оттого и заболѣл: «стали беспокоить ихніе глаза». Его помѣстили в какую-то лѣчебницу. Он бѣжал оттуда. И превратился в отшельника, в «лѣснаго старца», — постоянно читает 50-ый псалом и другим, знающим, как найти его, проповѣдует:

— Читай «Помилуй мя, Боже»... Каждый день читай...

Этому человѣку теперь около 50 лѣт. Подумать страшно: какую цѣну заплатил он за безавторитетность православнаго духовенства, чтобы столь кружным путем дойти до истины, которую мог узнать в дѣтствѣ от любого законоучителя в любой школѣ. Но дух дышит, идѣже хочет. И есть в его дыханіях своя закономерность.

Боги исторіи как будто с нѣкоторым педагогическим умыслом подвергли Россію болѣзням государственнаго развала, чтобы вызвать дѣятельную тоску о благах государственнаго состоянія и основательно излѣчить от соблазнительных, пустосвятных и святобѣсных порывов к безгрѣшной безначальственности. Как будто нарочно посадили на трон православнаго царизма нечаевскій нигилизм, — чтобы оттолкнуть умы и сердца к многовѣ-

ковым авторитетам и традициям библейской культуры. И поразительная случилась за 14 лет перемен: пѣлый народ рванулся к абсолютной, неограниченной даже первородным грѣхом свободѣ и пришел к напряженной борьбѣ за свободный базар...

Многим, без сомнѣнія, извѣстен или памятен взгляд старых глубинных благочестивцев на «царскую службу». Солдата эти благочестивцы извиняли («подневольно служит»), но полицейских не прощали:

— За жалованье от отца, матери и от божьяго закона о милосердіи отрекаются...

Теперь, говорят, чуть ли не каждый четвертый человек даже не полицейский, а «сексот ОППУ». Приѣзжающіе за границу совѣтскіе дѣятели (и при том из интеллигенціи) в задушевных бесѣдах говорят откровенно:

— А теперь так: если хочешь что-либо полезное сдѣлать в Россіи, — надо продать душу чорту.

И продают, — как будто даже без всякаго содроганія: «что же, если всѣ так, — на міру и смерть красна». И не только сами, но и дѣтей своих — тоже без особаго содроганія — «посылают в комсомол», хотя и знают:

— «Каждый комсомолец имѣет нагрузку по линіи ГПУ».

Трудно сказать, как бы не только старые благочестивцы, но и мы, свѣтскіе, грѣшные люди, отнеслись к палачу, напримѣр, столыпинских времен, если бы он стал каяться. Это был бы мучительный вопрос. А вот теперь не вопрос:

— Содрогнулся, покаянный псалом стал читать, — и ничего: поддерживают, от начальства укрывают, уважают и даже почитают.

Не будем высокомерно судить почвенных наставников и Бакунина, и Кропоткина, и Толстого. Всѣ мы так или иначе духовному влиянію этих наставников подвергались. Кто из нас не думал, как преодолѣть первородный грѣх власти? Кто не занимался умозрительными построениями идеальнаго государственнаго строя, — чтоб государство походило на тихое святое семейство, в котором граждане рѣзвятся, как дѣти, а власть радуется их рѣзвости, как добрый гувернер, абсолютно лишенный права и возможности кого-либо отшлепать или выдрать за уши? Всѣ мы — больше или меньше — святобѣса тѣшили и похотью

святоподобія были соблазняемы. Но вот теперь новое совѣтское поколѣніе — да и старое, выдержавшее совѣтскій искусс, — удивительно склонно предпочитать совѣм иные, диктаторіальныя, бонапартистскіе — во всяком случаѣ, суровые — государственныя стили. И увѣряют, будто именно таких стилей требует обстановка в Россіи:

— Вы, говорят, доктринеры, а мы — люди практики, реалисты, наш идеал — американизм.

Повидимому, преодолѣли они святобѣса. Кажется, даже черезчур, — с большими перескоками за демаркаціонную черту. Впрочем, заскоки иногда закономѣрны: когда нужно выпрямить искривленную палку, ее перегибают в другую сторону.

Признаки времен

Говорят, отрыв от земли, стремленіе к заоблачно-возвышенным постройкам из воображаемых кирпичей — признак вырожденія. Есть мнѣніе, будто эта болѣзнь бывает эпидемической, — и так случается перед глубокими переворотами. И когда эпидемія отрыва от реальностей поражает верхніе слои націи, — тогда (именно тогда и с этого) начинается разрушительный період революціи. Творческой же період революціи наступает не раньше, чѣм в странѣ могут быть накоплены достаточно мощные кадры не только расположенных к «дѣлячеству», но и сброшенных на землю и крѣпко прикованных к ней всею совокупностью ошибок, грѣхов, даже преступленій. Вот эти обязательныя, припечатанныя к землѣ реалисты и начинают созиданіе...

Повидимому, кадры именно таких созидателей сейчас и накаплиются. Лично я не склонен впадать по этому поводу в славолюбіе. И не чувствую восторга перед вѣроятными будущими постройками. Должно быть, построят прежде всего свободный базар. На нем поставят «мильтонов в формѣ для накожнаго порядка», не забудут назначить и «агентов в штатском для подкожнаго наблюденія». Чему осанну-то пѣть? Есть однако у меня и такія мысли:

— А что если этот совѣм обыкновенный, — вѣроятно, в первое время бѣдный и убогій — базар окажется чище, святѣе, даже праведнѣе, даже просто человекнѣе незабвенных петербургских улиц 1917 года?

А. Петрищев.

Идеи и жизнь

СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЭМИГРАЦИИ

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, чѣм, сдѣлав десять лѣтъ тому назад извѣстные выводы о характерѣ русской эмиграціи, думать, что эти выводы применимы и к тому положенію, в котором она находится сейчас.

За это время не только новое поколѣніе вошло в жизнь, — и людям прежним пришлось перелицеваться, перемѣниться, приспособиться к окружающей новой обстановкѣ, почувствовать себя колесиком в совершенно иной машинѣ, нежели та, в которой они были раньше. 8-10 лѣтъ тому назад на французскій берег ступили воины, галлополюцы, казаки, — осыли, вросли в новую землю, колонизовали ее, — и обернулись фермерами, таксистами, грузчиками, ажюстерами, персерами и т. д. И не нужно быть особенно догадливым, чтобы предположить, что десятилѣтній срок нѣсколько измѣнил их прошлую психологию: померкли старые идеалы, мечта задержалась мглой, а реальная жизнь изо дня в день настойчиво твердит новую лѣснь, приучает к себѣ.

Мы всѣ привыкли говорить, что дальнѣйшая судьба Россіи опредѣлится от того или иного разрѣшенія социальнаго вопроса, и не замѣчаем, что это положеніе относится не только к Россіи, — оно имѣет точно такую же силу и для эмиграціи. Судьба эмиграціи до конца опредѣляется социальным вопросом. И в попытках разрѣшенія его происходят сдвиги, которых может не замѣчать только очень близорукій или предвзятый наблюдатель. Иногда эти сдвиги поражают своей прихотливостью и неожиданностью. Можно было бы разбить на двѣ категоріи отношеніе эмигрантов к социальному вопросу. Наименѣе тронуты им, наиболѣе сохранили свои старые взгляды и навыки тѣ из эмигрантов, кто борется с жизнью в одиночку. Для таких людей все, происшедшее с ними, — нѣкая личная катастрофа. Они выброшены во враждебный мір, они противопоставляют себя, иностранцев, русских, одинаково чуждому міру работодателей и рабочих, мѣстных людей, французов. Эксплоатация работодателей идет параллельно с конкуренціей французских рабочих. И при таких условиях социальныя трудности воспринимаются скорѣе, как національныя трудности. Вся острота сознания обращена на эту свою національную

униженность. Французы эксплуатируют меня, русскаго, французы конкурируют со мной, русским. И тѣ и другіе противостоят мнѣ, объединенные національным признаком. Незнаніе языка, несмѣшиваемость в бытѣ еще больше углубляет эту національную пропасть и не дает возможности угадать ея нѣсколько иную природу. Далѣе, такой одиночка, общаясь внѣ своей работы с другими русскими одиночками, несмотря на огромное разнообразіе их социальнаго положенія, чувствует с ними только извѣстную общность — общая церковь, общій язык, общія воспоминанія, общая организація, общая столовая, общая библиотека, общія газеты. И дѣленіе на «мы» и «они» строго придерживается лишь національной линіи. Можно сдѣлать абсолютно точный вывод, — чѣм болѣе работа эмигранта идет в одиночку, тѣм менѣе ощутительны в нем социальныя сдвиги, тѣм лучше он сохранился.

Вторая категорія производит иногда совершенно парадоксальное впечатлѣніе. К ней относятся русскіе люди, работающіе организовано, большими группами в одном и том же предпріятіи. Парадоксальность их положенія заключается в том, что, к каким бы союзам и организаціям они ни принадлежали, объединяясь національно, они вмѣстѣ с тѣм объединяются и социально.

Представим себѣ, напримѣр, какую-нибудь группу воинскаго союза, работающую в одном и том же предпріятіи, живущую в одной и той же казармѣ, имѣющую один и тот же стол и т. д. — и, наконец, противостоящую одним и тѣм же работодателям. Французскій мір оборачивается к такой группѣ русских рабочих одной своей стороной: французы — работодатели, эксплуатируют, плохо кормят, построили сырую казарму и т. д. Конкуренція французских рабочих чувствуется мало, или даже совсѣм не чувствуется. И получается парадоксальное положеніе, при котором національное совпадает с социальным. Очень часто процесс этот носит яркій и законченный характер. Еще чаще он, так сказать, прикрывается псевдонимом: отставаніем національнаго достоинства и національных интересов именуется отстаиваніе социальнаго достоинства и социальных интересов. Стремленіе к правдѣ социальной имѣет псевдонимом стремленіе к правдѣ національной. Конечно, существованіе такого псевдонима не вѣчно, — очень быстро вещи начинают называться своими именами, и социальный вопрос все болѣе и болѣе становится самым злободневным вопросом русской эмиграціи. Можно сказать даже так: тот факт, что развивается он первоначально не под своим собственным именем, а под псевдонимом всѣми признаваемой и жгучей идеи національнаго, — этот факт в конечном результатѣ дает ему отпечаток чего-то вполне доброкачественнаго, благонамѣреннаго, легальнаго. Защищать честь русскаго имени есть долг каждаго національно мыслящаго русскаго человѣка, — не его вина, если честь русскаго имени попирается на рабочем фронтѣ, и достоинство его, как ра-

бочаго, совпадает с его русским достоинством. Он и рабочее свое состояніе должен защищать так же, как и всякое другое, связанное с русским именем. Не крадучись, не контрабандой, а по самой золотой и широкой дорогѣ національнаго сознанія входит в эмигрантскую жизнь социальный вопрос.

И парадоксальным и неожиданным результатом эмигрантскаго существования надо считать именно эти социальные сдвиги.

А из этого, может-быть, необходимо сдѣлать и нѣкоторые болѣе существенные выводы: нигдѣ и никогда не бывало, чтобы люди интеллигентные, зачастую бѣлоручки в прошлом, привыкшіе только теоретизировать, — вдруг оказались в трудовой гущѣ жизни. Нигдѣ и никогда не бывало, чтобы всю рабочую жизненную тягу приняли на себя люди, по своей культурной подготовкѣ способные сдѣлать всѣ выводы из этого своего положенія. Не кто-то посторонній, обуреваемый мировой скорбью, должен прійти и объяснить русскому рабочему его социальное положеніе и его социальные задачи, спотыкаясь в правильном пониманіи будничных особенностей и практических данных этого положенія, — сам русский рабочий в огромном большинствѣ своем способен не только обывательски расцѣпить свое положеніе, но и сдѣлать из этого всѣ нужные выводы и обосновать эту расцѣпку теоретически.

И русскому эмигранту-рабочему не только Маркс, но и Ленин покажется бѣлоручкой, барином, строящим социальные потемкинскія деревни, — не органически сросшимся с рабочей жизнью, а со стороны теоретизирующим о ней.

Органичность роста интереса к социальному вопросу подтверждается еще одним отрицательным признаком: социальный сдвиг в русской эмиграціи огромен и плодотворен, — а на ряду с этим нѣтъ никакого политическаго сдвига. Если в области политических настроеній и наблюдается нѣкоторое измѣненіе, то его можно было бы характеризовать лишь как вывѣтриваніе политических интересов. Политически эмиграція осталась такой же, как была, только страсти утихли, краски выцвѣли, рѣчи стали тише, интерес исчез. Если старыя слова и повторяются, то скорѣе из чувства вѣрности и честности, как нѣкія общепризнанныя прописи, — но духа стараго в них нѣтъ.

Есть еще одно очень распространенное явленіе в эмиграціи, внутренняя подоплека котораго также связана с социальными сдвигами, происходящими в ней. И любопытно, что и это явленіе протекает также в известной степени под псевдонимом. Дѣло в том, что даже самыя поверхностныя наблюденія дают безконечный материал для темы «город и деревня», — точнѣе, «Париж и провинція».

Русскіе провинціалы давно и прочно противопоставили себя русским парижанам, и это противопоставленіе зачастую принимает очень острый и нетерпимый характер, — дѣло идет, если не о ненависти, то о большом недоброжелательствѣ, материала для котораго, к со-

жалѣнію, болѣе, чѣм достаточно. И тут падают перегородки всяческих убѣжденій: не любят Парижа праваго, лѣваго, военнаго, штатскаго, благотворительнаго, политическаго, — и всѣх представителей этих разнообразных парижских группировок мажут одним миром.

Думается, что процесс этот чрезвычайно естествен и неизбежен. В провинціи прочно укоренились взгляды, что всѣ организациі львиную долю своих средств и возможностей дают парижанам. Попро-буй провинціал устроить своих дѣтей в пріют, или поступить со стипендіей в высшее учебное заведеніе, или попасть в санаторію, — отказ почти неизбежен. Есть огромныя скопленія русских в провинціи, тысячи людей, — почти ни один из них не пользуется помощью центральных организациі, а вмѣстѣ с тѣм подписные листы этих организациі присылаются в такія мѣста и заполняются, пусть бѣдно, — ими. И на основѣ многочисленных наблюденій такого рода, растет убѣжденіе, что Париж — это своего рода бѣженская аристократія, которой очень мало дѣла до своего народа — провинціальной эмигрантской массы. Там и культурная жизнь, и жизнь политическая, и организациі работают, и благотворители собирают средства, — но все это не для нас, мы нужны только как «масса». Не хотят видѣть, что и у нас могут быть и духовныя и матеріальныя нужды и потребности. Так рассуждает огромное большинство провинціалов, — и надо признаться, что опровергнуть их точку зрѣнія очень трудно, так как факты говорят всегда за них.

Но даже не касаясь фактической правильности такого взгляда на Париж, надо его учесть также с точки зрѣнія роста социальных запросов, возникающих в эмигрантской средѣ. Вѣдь, в концѣ концов это не что иное, как острое ощущеніе социальной несправедливости, распространяющейся в данном случаѣ и по національной линіи. Было время, когда считалось совершенно естественным существованіе в Парижѣ лидеров, вождей, представителей разнообразных организациі, — и существованіе на совершенно иную ногу, чѣм существованіе рядового эмигранта; было время, когда допускалось, что кто-то имѣет право говорить и представлять от имени этой эмигрантской массы, — теперь отношеніе рѣзко перемѣнилось, и всяческое представительство котируется, как постепенное отслоеніе эмигрантской аристократіи, оторванной от жизненных интересов масс и живущей совершенно обособленной жизнью, в которой масса абсолютно не заинтересована. Не нужно даже давать оцѣнку таким настроениям, — важно знать, что они существуют, что они захватывают огромное большинство эмиграціи. И пусть производят оцѣнку и дѣлают выводы из этого положенія тѣ, кого это касается, и в чьей силѣ хоть что-либо измѣнить.

Но вмѣстѣ с тѣм, рисуя весь процесс, происходящій сейчас, неизбежно сдѣлать из него и выводы, столь же парадоксальные, как и он сам.

Росту социального сознания и творческому подходу к разрешению социального вопроса способствует всякая без исключения эмигрантская организованность, — лишь бы она действительно, подлинно «организовывала» жизнь, — почти безразлично, на каких принципах она организовывает. Важно, что организовывает она рабочих людей, сколачивает их в крепкие группы, связанные не только национальной, но и социальной общностью интересов. Остальное за них делает жизнь. И в этом смысле не только внутрирусский вопрос есть социальный вопрос по преимуществу, но и эмигрантский вопрос есть также по преимуществу вопрос социальный.

Все это, конечно, очень благоприятный показатель для тех, кто любит говорить о миссии эмиграции, — благоприятный, потому что таким положением вещей предопределяется творческая чуткость эмиграции в разрешении социального вопроса. Жизненно, опытно, выстраданно сможет она подойти к нему.

Тут только надо оговориться: к сожалению, не вся эмиграция прошла такую школу, и, может-быть, именно тот, кто особенно много и часто говорит о миссии эмиграции, по существу не способен отойти от старых позиций и далек от подлинного эмигрантского мироощущения, так как никогда не наблюдал, как русский и социальный вопрос практически совпадают. Все сказанное может относиться только к людям пореволюционного сознания, — от имени же эмиграции всего чаще говорят люди сознания дореволюционного, — безразлично каких взглядов: никакие дореволюционные взгляды не гарантируют от того, чтобы все забыть и ничему не научиться.

Е. Скобцова.

О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Мне хотелось бы обратить внимание русского зарубежья на литературную деятельность небольшой, но живой, талантливой группы молодых беспартийных политиков, объединившихся вокруг издательства «Eugen Diederichs» и издающих имевший большой успех журнал «Die Tat» (Действие). Последний номер этого журнала разошелся в количестве 20.000 экземпляров, что представляет собою небывалый для научно-публицистического журнала тираж.

1. **FERDINAND FRIED.** «Das Ende des Kapitalismus» (Конец капитализма). Eugen Diederichs Verlag. Jena.

Книга Фрида представляет собою переработку цикла статей, печатавшихся в «Die Tat». Тот радикализм, с которым Фрид обруши-

вается на капитализм, вызвал в прессе правого лагеря злостные обвинения в «марксизме». Национальный же пафос книги Фрида вызвал в левом лагере не менее страстные нарекания в «буржуазности».

Из факта этой двусторонней атаки не следует однако делать поспешного вывода, будто бы круг сотрудников «Die Tat», во главе с экономистом Фридом и политиком Церером, представляет собою всего только отряд национал-социалистического движения. 1) Бездна, отделяющая национал-социалистов от группы «Действия» Церера — Фрида, заключается прежде всего в том, что национал-социалисты — улица, а группа «Действия» — катакомбы, что национал-социализм — готовый компромисс между всеми идеями и силами современности, а группа «Действия» — искание синтеза между ними; что национал-социалисты стремятся к захвату власти, а группа «Действия» считает в данный момент подлинно действительным сознательный и радикальный отказ от всякого внешнего действия. Вопрос о том, «что нужно делать», Фриду представляется вопросом «малодушным». Всякого, пытающегося прорваться за проводочное заграждение безстрашного анализа современного положения, Фрид считает, как сказали бы в Советской России, «паникером», или, по его собственной, своеобразной, терминологии, «дезертиром», т.е. перебежчиком во враждебный стан всезнающих луинов.

В этой позиции есть острая своеобразность, которая, подчас волнуя и раздражая читателя, все же неустанно влечет к себе.

Особенную ноту придает книге Фрида то обстоятельство, что он рассматривает «кончающийся капитализм» не только как экономическую систему, но и как психологию возглавляющих немецкую промышленность людей, которых автор, очевидно, хорошо и лично знает.

Путем тщательного, поименного изучения главных капиталистических деятелей Германии Фрид приходит к заключению, что капиталистический мир выражается. Эпоха делов давала гениальных промышленников-вождей, предпринимателей-творцов. Современность же, наоборот, извлекает из промышленно-предпринимательской среды всех наиболее талантливых людей и перебрасывает их на государственный фронт. Этот процесс отхода талантов от промышленно-предпринимательской сферы означает, по мнению Фрида, то, что сама тема капиталистического хозяйства выдыхается. Талантливые люди каждой эпохи всегда устремлены к разработке наиболее важных, (талантливых) эпохальных тем. (Мысль эта принадлежит, как известно, Шпенглеру, но Фрид ее очень интересно развивает). Умирание всякой исторической темы раскрывается всегда в ее систематической измѣнѣ своей исконной сущности. Такая измѣна со стороны капи-

1) Моменты теоретической переключки, правда, имеются. Есть и опасность фашистского срыва, но не эта сторона интересна в молодом движении.

тализма налицо: ее главный признак — отрицание идеи свободной конкуренции в пользу частичного применения принципа планового хозяйства (картелирование, трестирование и синдикализация производства). За этой изменной капиталистическому принципу стоит изменение психологии капиталиста. Изначально это была психология риска, азарта, борьбы, ставки на неизвестный шанс. Нынче это усталая психология людей, стремящихся застраховать себя от всяких случайностей. Характерным показателем этой психологии является, между прочим, требование **п р а в и т е л ь с т в е н н о й** гарантии при заключении сделок с Советской Россией, а также и апелляция банкротящихся банков к **г о с у д а р с т в е н н о м у** кошельку.

Вырождением темы капитализма (идеи и психологии) объясняется, по Фриду, утрата капиталистическим миром инстинкта самосохранения, сказывающаяся в техническом вооружении вытесненных стран,²⁾ в нелюбимой сверхрационализации европейского производства и многом другом.

Самоликвидация идеи хозяйства (точнее, идеи гегемонии хозяйства) в пользу идеи государства выдвигается, по мнению Фрида, однако не только капитализмом, но и трудом. Социалистическая идеология утверждает, правда, примат производства (примат экономики), но все социалистические партии требуют огосударствления средств производства и стремятся к захвату государства. (В России радикальный социализм перерождается в фашистский этатизм).

Тема государства как будто бы принадлежит, таким образом, будущему. Однако надежды, которые связываются нынче многими партиями с ожидаемым расцветом новой государственной эры в Европе, осуществляются, по мнению Фрида, только в том случае, если искомая сильная государственная власть сумеет стать выше партий, сумеет стать воплощением и выражением общенародной, национальной воли. **Осуществление «народного государства» (Volksstaat) должно начаться, таким образом, с ликвидации «промышленного общества».**

Эта тема подробно развивается известным лейпцигским социологом Фрейером.

2. HANS FREYER. *Revolution von rechts* (Революция справа). Eugen Diederichs Verlag. Jena.

Главная мысль Фрейера заключается в том, что смысл революции не в устройении неустроенных слоев общества в господствующем обществе, а ликвидация этого общества. «Революция, пишет Фрейер,

²⁾ Этой темой уделяет особое внимание Освальд Шпенглер в своей новой книге: «Der Mensch und die Technik». С. Н. Beck. München.

есть рождение нового принципа в истории и обществе. Революционеры же те люди, что являются воплощением этого принципа до его исторической реализации. Было время — пролетариат был революционной силой. Он воплощал в себе идею защиты человека от буржуазного общества, стремившегося превратить рабочего в вещь, в товар. Сейчас этого стремления в Европе нет. Социальное законодательство очеловечило положение рабочего и примирило рабочего с буржуазной душой XIX века. Профессиональные союзы представляют собою не что иное, как органы благополучного устройства рабочего в формах буржуазного общества. Социал-демократическая партия больше других партий уверена в примиримости всех интересов; противоборство классов не играет больше никакой принципиальной роли, это «одно из тысячи противоборств, которыми держится и движется жизнь».

Революция слева, по Фрейеру, невозможна, потому что пролетариат изменил своей собственной идее. Но измена пролетариата своей революционной задаче не отменяет самой задачи. То, чего не осилил пролетариат, осилит идущая ему на смену новая сила. Эту новую силу Фрейер называет **н а р о д о м**, революцию, которую народ подготавливает и совершает, — **р е в о л ю ц и е й с п р а в а**.

Задача этой революции справа та же, что некогда стояла перед революционным пролетариатом: **л и к в и д а ц и я** рационалистически-атомистического, буржуазно-капиталистического общества 19-го века. Идеология Фрейера, несмотря на шовинистическую терминологию, не шовинистична. Его идея народной революции справа не реакционна. Социал-демократ Боринский правильно замечает в своей рецензии на Фрейера («Neue Blätter für den Sozialismus», Heft 8), что «отклонение фрейеровских идей марксистским мановением руки свидетельствовало бы о глубокой духовной реакционности, так как идеи Фрейера во многом совпадают с идеями социализма». И, действительно, фрейеровская идея народа очень близка идее «внеклассового общества». Разница лишь в том, что по Фрейеру ликвидация классового общества уже началась, происходит у всех на глазах, как на правом, так и на левом фланге современного общества. Народ и есть, по мнению Фрейера, не что иное, как «**п р о д у к т** ликвидации индустриально-буржуазного общества», как новая форма народной жизни, в которой будут господствовать «**н е и н т е р е с ы**, а **и д е и**». Народ есть, таким образом, как бы социальное тело целостного сознания. К сожалению, однако, — и в этом величайшая слабость фрейеровской концепции, — главная идея, на которой им строится грядущая целостность народного сознания, есть идея «радикального отрицания («das grundsätzliche Nichts») по отношению ко всем формам XIX века: — куль-

турным, политическим, социальным, т.-е. идея, которая в своей отрицательности может быть весьма действительной, революционной силой, но вряд ли способна на какую-либо подлинно творческую роль.

Вопросы, поставленные в концепциях Фрида и Фрейда, получают новый поворот (более конкретный, более актуально-политический) в писаниях главы группы «Действия» — Церера, выходя из либерально-демократических рядов. (В недавнем прошлом Церер был редактором отдела внешней политики старой «Vossische Zeitung»).

3. HANS ZERRER. «Links oder rechts?» (Налево или направо)

Основная мысль Церера, неоднократно высказывавшаяся впрочем и русскими эмигрантскими философами-публицистами (в частности С. Л. Франком, в его статье в «Числах»), сводится к тому, что эти слова потеряли всякий смысл. По мнению Церера, сейчас во всех странах идет борьба не между правыми и левыми силами и группировками, а между XIX и XX столетиями, т.-е. между либерализмом — правым, средним и левым — и всеми антилиберальными силами, которые только еще раскрываются в процессе ликвидации отживающих принципов 1789 года.

Основной недостаток либерализма Церер усматривает в его особом отношении к истине, которая, по мѣткому слову К. Шмидта,³⁾ сводится к положению, что «истина есть функция вѣчнаго соревнования мнѣній». При таком понимании истины, самая страстная дискуссионная борьба против либерализма является не борьбой против него, а потаканием ему. Анализируя социалистические и национально-консервативные течения XIX вѣка, Церер показывает, как те и другие разложили себя на путях дискуссионной-парламентарной борьбы с либерализмом. Но, разложив своих врагов, либерализм разложил и самого себя. Все формулы либерализма сейчас ничего не значат, ибо либерализм есть всего только общий знаменатель под консервативным, либеральным и социалистическим числителем. Немошная коалиция этих разложивших друг друга сил заключается, по мнению Церера, сейчас в том, что консерватизм консервирует духовно ему чуждые формы капиталистического производства, а социализм смягчает жестокость этих форм социально-политическими, социально-филантропическими моментами. Этот фронт отживших сил давно бы развалился, если бы его не поддерживала четвертая сила, покоящаяся на более древних и более сильных основаниях, — католицизм. В то, что этой силѣ удастся спасти либеральный фронт, Церер не вѣрит. Для него Брюннинг — конец, а не начало. Ближайшія десятилѣтія принадлежат, по мнению Церера, по-своему р е л и г и о з н о м у, но опредѣ-

³⁾ С. Schmidt: Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Duncker & Humblot. München.

ленно в нѣ церковном у активизму. Выходящее сейчас на историческую сцену поколѣние будет довольствоваться фактическим осмысливанием жизни. Искание же жизненного смысла, которое собирает всех усталых у церковной ограды, будет ему чуждо. Но это не значит, что роль церкви кончается. Когда улягутся предстоящая буря — слово может оказаться за церковь («Sie — die Kirche — wird ihre grosse Chance erleben»), если только церковь сумѣет за это время набраться новых сил, «освободить все борющіеся в ней за новое творчество силы».

От анализа итогов XIX вѣка Церер переходит к рассмотрѣнію молодых побѣтов пореволюціонных сил — фашизма, коммунизма, национал-коммунизма и национал-социализма. Среди многих мыслей, высказываемых Церером, наиболее интересно для нас, русских, церовское противопоставление национал-коммунистического движения, с одной стороны, коммунистическому интернационалу, а с другой — национал-социализму. Причем — и это самое главное — Церер считает, что у н а ц і о н а л ь н а г о коммунизма имѣется очень серьезный шанс побѣды над своими соперниками. Пока национально-му самоопредѣлению нѣмецкаго коммунизма мѣшает «миф Советской Россіи». Но этот миф может сразу же рухнуть, как только лучшие из вождей коммунизма поймут, что большевизм духовно идет не во главѣ европейскаго развитія, а в его хвостѣ, что он тот же «либерализм с марксистским коэффициентом». «Не будем заблуждаться, заканчивает Церер свои размышления по поводу национальнаго коммунизма, развитие идет гигантскими шагами. Через нѣсколько мѣсяцев н а ц і о н а л - к о м м у н и з м может стать во главѣ всех а н т и - л и б е р а л ь н ы х сил Германіи. В этом случаѣ он опредѣлит собою все будущее развитие нѣмецких судеб».

Шанс, имѣющийся у национал-коммунистов, Церер связывает с тѣм, что они в гораздо меньшей степени партія, и в гораздо большей степени движение, чѣм коммунисты, идущіе на поводу у Москвы, чѣм гитлеровцы, все болѣе превращающіеся в подручных буржуазно-националистической реакціи Гугенберга.

«За то, что борьба между национал-социалистами и коммунистами не кончится побѣдой ни той, ни другой стороны, но приведет сначала к декристаллизациі обѣих, нынѣ существующих организаций, а затѣм к уравновѣшенному примиренію обѣих полюсов в новом социальном образованіи (Gemeinschaft), которое будет уже по праву чувствовать себя представителем народнаго всеединства (totale Volksgemeinschaft), — за это говорит (очень характерное для Церера замѣчаніе) прежде всего тот факт, что, как коммунизм, так и национал-социализм уже подпали либералистическому влиянію, заражены трупным ядом девятнадцатаго столѣтія (стали партіями).

Вопрос освобожденія от либерализма есть, по Цереру, прежде

всего вопрос поколѣнія. Быстраго освобожденія от духа XIX вѣка ждать не приходится. «Творческій размах послѣдних 150 лѣтъ еще вибрирует в наших нервах, в нашем мышленіи еще господствуют методы и направленія прошлаго».

Что же остается дѣлать? — спрашивает Церер. Отвѣтъ его очень интересен. Единственно важное дѣло — работа над созданіем новаго чело в ѣ к а. Созданіе новаго чело в ѣ к а возможно лишь на путях созданія новаго міросозерцанія. Міросозерцаніе это должно быть «цѣлостным и центральным», т.-е. «религіозным». Оно не может быть продуктом уединеннаго и индивидуалистическаго творчества, как философскія системы XIX вѣка. Почвой его возвращенія должен быть народ, понимаемый как продукт ликвидаціи буржуазно-индустриальнаго общества. Формами возвращенія грядущаго народнаго сознанія должны быть подлежащія немедленному созданію духовно-творческія организациі новых людей: «общества, ордена, ложи». Работа в этих объединеніях должна вестись в атмосферѣ полной свободы, ограниченной, однако, исповѣданіем единой вѣры (цѣлостнаго міросозерцанія). Работа эта не должна витать в облаках: — должна сосредотачиваться на разрѣшеніи практических вопросов зачинающей эпохи. Результаты этой работы должны публиковаться в журналах, которые призваны смѣнить партійныя и бульварныя газеты. Но и журналы должны быть преобразованы. В качествѣ сотрудников допустимы лишь люди, объединенные цѣлостным міросозерцаніем, («ein geschlossener Mitarbeiterkreis mit einem geschlossenem Weltbild»). Апеллировать журналы должны не к публикѣ, а к читательской общинѣ («Lesergemeinde»).

Таков тот путь единственно серьезнаго культурно-политическаго дѣла, на который зовет нѣмецкую молодежь Церер и его группа.

Новый путь Церера — очень старыи русский путь. Итти им нам, русским, много легче, чѣм нѣмцам. Подробное развитіе этого положенія завело бы меня очень далеко. А потому в заключеніе только намек на то, о чем должна была бы итти дальнѣйшая рѣчь.

Россіи легче итти по пути Церера, чѣм Германіи, по трем причинам.

Во-первых, потому, что русское религиозное сознаніе не знает существенной для всей нѣмецкой культуры борьбы католицизма с протестантизмом.

Во-вторых, потому, что путь орденскаго творчества культуры и жизни есть традиціонный путь русской интеллигенціи.

И, в-третьих, наконец, потому, что народ и сейчас в Россіи гораздо болѣе реальная историческая сила, чѣм «буржуазно-индустриальное» общество западнаго образца.

Ко всѣм этим вопросам нам придется еще не раз вернуться.

Федор Степун.

ОБ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Духовный облик Испаніи, быть может, сложнѣе, своеобразнѣе облика других европейских государств. Один из «властителей дум» современной Испаніи, Сальвадор Мадаріага, объясняет душу испанца из сочетанія свойств баска и андалуца: сосредоточенности с формой, силы с граціей... Но Испанія несравненно сложнѣе по составу, и в подсознаніи ея рошцут души различнѣйших предков. И великій расцвѣтъ культуры и государственности и послѣдовавшій трагическій многовѣковской упадок тѣсно связаны с особенностями души Испаніи.

В первые дни революціи, вся Испанія повторяла крылатую формулу: «Расплата за Вайаларъ». В битвѣ при Вайаларѣ, в апрѣлѣ 1521 г., габсбургскій абсолютизм раздавил испанскіе вольные города. А в апрѣлѣ 1931 года испанскіе города, на исторических коммунальных выборах, покончили с монархіей. Так замкнулся историческій цикл — и стало революціонной модой утверждать, что испанская монархія была чужеродным тѣлом, а не національным учрежденіем. Преувеличеніе несомнѣнно, но вѣрно одно: XVI-XVII вѣка разрушили уравновѣщенность испанской культуры. Синтез мистики с реализмом, созерцательности с дѣйствительностью был разбит — и габсбургской монархіей, бывшей нещадно по лучшим традиціям и творческим силам испанскаго народа, и испанской церковью, потерявшей духовное равновѣсіе и заболѣвшей недугом, в существѣ своем, жутко-противохристіанским.

Религиозное воодушевленіе, находившее исход в пламенной мистикѣ, обернулось темным фанатизмом. Культура потеряла свой міровой размах, ослабѣлъ вкус к труду и творчеству, замерло чувство гражданственности. Эпоха духовной спячки, государственнаго упадка, хозяйственнаго запустѣнія проходила под знаком клерикализма и абсолютизма.

Испанское «освободительное движеніе», зародившееся в борьбѣ с Наполеоном, имѣло глубокой и значительный смысл преодоленія національнаго упадка, всесторонняго возрожденія Испаніи. До конца XIX вѣка движеніе это, многократно вспыхивавшее, не проникало вглубь націи, не изжившей вѣковаго оцѣпененія. Затѣм наступил перелом. В странѣ началось возрожденіе хозяйственное; в культурных верхах с удвоенной силой совершалось духовное. Хинер де Лос Риос, «возродитель испанской культуры», «святой в міру», преобразовал высшее образованіе и оказал рѣшающее вліяніе на духовный облик интеллигенціи. Теперешніе вожди ея — его ученики и друзья. Под воодушевленным воздѣйствіем культурной элиты, сочетавшимся с пробужденіем страны, создано новое національное сознаніе.

Но образ этой возрождающейся Испаніи запечатлѣн всѣм ея своеобразіем, и недаром Мигуэль Унамуну (гордость современной Испа-

ни) противопоставляет религиозный идеал своей родины, проникнутой героической любовью, этико-научному идеалу Европы. И даже у воинствующих атеистов, у крайних «западников», духовные основы, в существе своем, не мѣняются. С наибольшим приближением к истинѣ, можно назвать религиозным индивидуализмом основную стигму испанской души.

Нельзя разобратъся в испанских событіях, не уяснив себѣ испанскаго національнаго характера и не понявъ, что происшедшая революція вызвана національно-возродительнымъ движеніемъ громаднаго воодушевленія, глубины и волевого упора. Слыша о волненіях, сотрясающихъ Испанію, должно помнить, что существенна не только энергія нападенія, но и сила отпора.

Опирающееся на Учредительные Кортесы, ярко-волевое правительство республиканской коалиціи, располагающее всѣмъ аппаратомъ власти, вооруженное закономъ о защитѣ республики, имѣетъ за собой поддержку націи (большинство интеллигенціи, средних классов, пролетариата, крестьянства).

Но страна в броженіи. Враги — справа и слѣва. Возможна ли реставрація монархіи или побѣда экстремистов?

Монархія могла бы уцѣлѣть, приобщившись к возрожденію страны. Но она приобщилась к диктатурѣ... По вѣрному замѣчанію С. Мадариаги, король нарушил конституцію, и Примо де Ривера взялъ власть не вслѣдствіе банкротства испанскаго парламентаризма, а вслѣдствіе быстро совершавшагося выздоровленія его. И когда, за нѣсколько мѣсяцев до революціи, вождь консерваторов Санчес Герра заявилъ, выражая общее настроеніе: «Я потерялъ довѣріе к королевскому двѣрью», это значило, что страна безповоротно осудила не только институт монархіи, но и носителя его. В этомъ объясненіе ненужнаго суда кортесов над королемъ.

Опасность справа? Первая мысль в примѣненіи к Испаніи — проноунціаменто. К счастью, армія не участвовала в совершеніи революціи. Политическая роль потеряна ею. В наши дни реформа Асаньи реорганизовала ее, дисциплинировала, привела к должной нормѣ команднаго состава. Из 280 генераловъ осталось на дѣйствительной службѣ 48. Из 22.000 офицеровъ — 9.000. Добровольно ушедшіе в отставку сохранили полностью содержаніе.

Недовольство части средних классов (непріятно жить в безпокойныя времена) порождаетъ, совмѣстно с фрондой аристократіи, слабое, изолированное от народа монархическое теченіе.

Протесты государственныхъ служащихъ противъ плана сокращенія штатовъ? Но страна одобряетъ эту крайне необходимую реформу. Примѣръ чудовищнаго избытка чиновниковъ: когда Примо де Ривера однажды предписалъ имъ всѣмъ явиться на службу в опредѣленный день, то стульевъ еле хватило для половины. Сокращеніе штатовъ, и военныхъ и

гражданскихъ, вытекаетъ из задачи возрожденія упадочной, бездѣятельной Испаніи.

Недовольство католиковъ? Здѣсь молодая республика надѣлала ошибокъ. Революцію возглавили вѣрующіе католики, Алкала Самора и Мигуэль Маура. Значительная часть низшаго духовенства высказалась на апрѣльскихъ выборахъ за республику. Сказался в поведеніи рядового духовенства и общенациональный порывъ, и, быть можетъ, откликъ на новую тактику Ватикана: сближеніе с демократіей. Но специфическая роль испанской церкви вызывала тяжелое чувство у большинства вѣрующихъ. Интимное воздѣйствіе на государственное управленіе, хозяйственное засиліе безчисленныхъ орденовъ, с обходомъ закона, невыносимое давленіе на всѣ стороны общественной жизни, исполненное обскурантской нетерпимости¹⁾ — все это умножало невѣріе в широкихъ народныхъ массахъ, а вѣрующимъ казалось не исполненіемъ, а искаженіемъ церковной миссіи.

Верхи іерархіи воспамѣрились рѣзко пресѣчь либеральный уклонъ в духовенствѣ, и примасъ Испаніи, кардиналъ Сегура, призвалъ церковь на монархическія позиціи, разнуздавъ этимъ антиклерикальныя страсти во всей странѣ (одна из причинъ безобразныхъ поджоговъ монастырей) и помѣшавъ тактическому ходу іезуитовъ, стремившихся, по упорно ходившимъ слухамъ, создать католическую республиканскую партію.

Законъ, принятый в октябрѣ Учредительными Кортесами, вызвалъ своими крайностями уходъ Саморы и Мауры из правительства. Они считали правильнымъ отдѣленіемъ Церкви от государства и отмену бюджетной поддержки церкви, но Кортесы пошли гораздо дальше. Упраздняются ордена, не ограничивающіеся в своихъ статутахъ «тремя каноническими объѣтами». Имущества ихъ конфискуются на благотворительныя и учебныя цѣли. Остальнымъ орденамъ, по закону, который надлежитъ выработать, будетъ запрещено заниматься учебной дѣятельностью, промышленностью и торговлей. Имущество ихъ сводится къ необходимому минимуму. Провинціямъ и городамъ воспрещается субсидировать церковныя учрежденія.

В патриархальныхъ провинціяхъ сѣвера, Бискайѣ и Наваррѣ, недовольство охватило народныя массы. Большинство депутатовъ этихъ провинцій, не согласившихся даже на отдѣленіе церкви от государства, отказалось участвовать в выработкѣ конституціи и начало широкую кампанію за пересмотръ закона. Монархисты возлагаютъ упованіе на возстаніе на сѣверѣ. Но от митинговъ протеста далеко да возстанія. Есть надежда на смягченіе закона. Шансы усиливаются избраніемъ А. Саморы в президенты республики. Во всякомъ случаѣ, такъ силенъ всенародный революціонный порывъ, и такъ велико застарѣлое недо-

1) Когда в 1909 году премьер-министръ Каналехасъ предполагалъ установить свободу совѣсти, 75 епископовъ подписали торжественный протестъ противъ оскорбленія католической церкви.

вѣрие к церкви, что даже столь несправедливый закон не измѣнил политических симпатій большинства вѣрующих. Враги справа республикѣ не опасны, и малѣйшая попытка их захватить власть подняла бы на ноги всю страну.

Велика ли опасность слѣва? — Прежде всего, слѣдует подчеркнуть, что влияние коммунистов остается ничтожным. Борьба внутри пролетариата ведется между социалистическим «Генеральным Союзом Работников» и анархо-синдикалистской «Генеральной Конфедерацией Труда». Большая часть рабочего класса, социалистически настроенная, вложила в дѣло національнаго возрожденія. Социалистическій вождь, Фернандо де Лос Риос, выразил настроенія этой части рабочих, говоря о новом явленіи міру великаго образа Испаніи, о грядущем расцвѣтѣ ея культуры, о неразрывности свободы с социальным переустройством. У рабочих, идущих за анархистами, мы не найдем ни широкой программы, ни конкретной цѣли, если не считать «забастовочной гимнастики». Для новой революціи недостаточно опьяненія свободой и смутно-бунтарских настроеній. Объединяя лишь меньшинство рабочих, анархо-синдикалисты остановились в своем ростѣ, и за ними нѣтъ идущаго из народных глубин движенія большаго стиля. Принятое кортесами широкое рабочее законодательство и закон о рабочем контролѣ дают пролетариату возможность ограждать свои права и интересы и воздействовать на народное хозяйство.

Недовольство среди крестьян? Трагично положеніе полу-нищих земледѣльцев Андалузіи и Эстремадуры, арендующих землю у владѣльцев латифундій, при участіи двух-трех посредников, переарендующих друг у друга. Кортесами обсуждается план аграрной реформы, с выкупом за землю и возможностью непосредственнаго сговора с крестьянами, по означенной, во всяком случаѣ, переход латифундій в крестьянскія руки. Пока же принят ряд временных мѣр в защиту крестьянства. Отрадный признак: андалузскіе мелкіе арендаторы и батраки, объединенные до сих пор преимущественно анархо-синдикалистским союзом, начинают переходить в синдикаты социалистическіе. Но положеніе омрачается наличием в Андалузіи сотен тысяч полу-бродяг, полу-батраков с психологіей итальянских лашарони, неустойчивых и озлобленных. Поэтому нѣтъ полной увѣренности в том, что удастся избѣжать волненій, пусть неопасных для республики, но трагичных по необходимости подавлять их вооруженной силой.

Еще один сложный вопрос — об автономіи областей. Но с Каталоніей удалось договориться, а остальные провинціи, согласно конституціи, также могут получить самоуправленіе, если выразят желаніе в установленной формѣ. Такое рѣшеніе умиротворяет, как «лѣвую» Каталонію, так и «правую» Баскаю, не говоря уже о лояльных Арагонѣ и Галисіи.

Наконец, цѣнный показатель внутренней уравновѣшенности революціи: не «изнашиваются» умѣренные партіи и вожди, как бывает при революціях, обреченных стать добычей экстремистов.

Принятая Кортесами конституція укрѣпляет «новый строй на основѣ твердой государственности. Испанія выходит из революціи демократической, парламентской республикой, основныя черты которой: сильная власть президента, однопалатное представительство, народный референдум, «трибунал конституціонных гарантій», широкая автономія областей. Все богатство страны, кто бы ни был собственником его, подчиняется интересам народнаго хозяйства (право на координацію предпріятій и индустрій, на націонализацию и т. д.). Республика обѣщает обезпечить каждому работающему необходимыя условия для достойнаго существованія. Испанія включает универсальныя нормы международнаго права в свое положительное право и отказывается от войны, как средства національной политики. Установлено женское равноправіе. Наряду с глубокими социальными реформами, готовится реформа судопроизводства, уголовного и гражданскаго кодексов, семейнаго права.

Преодолевается рутинная и бездѣятельность во всѣх частях государственнаго аппарата; ведется борьба с каскизмом — язвой старой Испаніи.²⁾

Конституція, провозгласив труд основным началом государства, выразила характерную настроенность движенія, возрождающаго Испанію. «Мы присутствуем, говорит Фернандо де Лос Риос, при жизненном порывѣ, идущем из расовых глубин испанскаго народа». В порывѣ этом ярко переживается единство всѣх народов испанской рѣчи; ставится цѣлью их культурное единеніе и даже единеніе общепирейское. Согласно конституціи, граждане испано-американских республик, а также Португаліи и Бразиліи, пребывающіе в Испаніи, могут, на началах взаимности, получать испанское гражданство, не теряя своего. Автономія областей мыслится связанной с цвѣтеніем своеобразных языковых культур, традиціями своими уходящих в золотой вѣкъ Испаніи.

Впереди еще много трудных дней. Міровой кризис не пощадил и Испанію. Возможны еще обостренія, пока не обрѣтет полнаго равновѣсія потрясенная страна. Не одно несогласіе возникнет в республиканской коалиціи, пока минует в ней надобность, не одна ошибка может быть совершена; неожиданныя событія могут опрокинуть многія предвидѣнія. Но перед величавой картиной народнаго воодушевленія, перед пафосом національно-культурнаго творчества и социальной справедливости не должно быть мелкой, недобросовѣстной критики.

²⁾ Каски — мѣстные хищники, мелкіе и крупныя мірофды. Они же были неофициальными агентами правительств для устройства выборов и т. п.

Скорбный опыт России не прошел даром для Испании. Испанские события не малое утешение для друзей свободы и демократии, для сторонников коренного социального переустройства.

С. Жаба.

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО КРИЗИСА

Говоря об английском кризисе, необходимо наперед условиться, о чем мы будем говорить. Английский узел необычайно сложен. В нем запутаны не одна, а три проблемы. Кризис самой Англии, кризис капитализма в Англии и кризис английского социализма. Только об этом последнем мне хотелось бы говорить, минуя по возможности чрезвычайно трудные экономические проблемы, в которых я не компетентен. К сожаленью, вполне обойти последние не удастся, благодаря тесной спутанности всех трех проблем.

Думаю, что для всех, во всем мире, друзей Нового Града (без ковычек) неслыханное поражение рабочей партии на выборах было тяжелым ударом. Из правящей партии Англии, она возвращается в парламент в виде ничтожной оппозиции в 50 человек, слабость которой приводит в смущение даже ее противников. С ее поражением, дело социальной реформы, дело международного мира понесло жестокий урон.

Все знают, что причиной поражения английских трудящихся была их избирательная программа, построенная на принципе сохранения жизненного «стандарта» и отказа от жертв, которых требовало от всех классов национальное правительство. То обстоятельство, что во главе этого правительства стоял Макдональд, в прошлом левый социалист, анти-милитарист, во время войны дерзнувший идти против всей Англии, требует особой осторожности в оценках. Легко объявить Макдональда в измене. Вся социалистическая печать в Англии и Европе — даже самая правая — вычеркивает его из списка товарищей. Радикальная, народолюбивая английская интеллигенция, в том числе социально настроенные круги церкви, против Макдональда. Не забудем однако, что Макдональд не мог бы одержать такой трагически-блестящей, его самого подавившей победы, если бы значительные массы рабочих Англии не голосовали за него. Какие же рабочие были правы?

Финансовая катастрофа Англии, повлекшая обращение к странам, была, конечно, местным проявлением общего кризиса, вот уже два года свирепствующего в мире. Ближайшим образом она была связана с лютым крахом германских банков. В Германии погибли или были immobilizованы значительные английские капиталы. Крах немецких банков вызвал панику на всех европейских биржах, в результате которой началась утечка золота из Английского Банка, повлекшая

приостановку золотого размена и падение фунта. За счет мирового кризиса можно поставить и большую долю английской безработицы, ложащейся тяжелым бременем на бюджет Англии. Чтобы спасти фунт, — т.е. половину страны от разорения, а государство от банкротства, правительство потребовало жертв. Все это связывает английские события с мировым кризисом. Видно с одиозно эта связь выразилась в требованиях иностранных финансистов, или правительств, пришедших на помощь Англии займами, уничтожить дефицит в бюджете за счет сокращения пособий безработным. Это требование, игравшее такую роль в избирательной кампании, было истолковано рабочей партией, как неслыханная интервенция мировой биржи в английскую политику. Смешно думать, что французским финансистам было так важно ударить по английским безработным. Давая в займы Советской России, капиталисты не ставят никаких социально-политических условий. Но требование бюджетного равновесия и экономии со стороны кредиторов естественно. Оно ставилось, например, и Австрии, когда дело шло о спасении ее от банкротства международным займом. Но уже в этом, внезапно обнаружившемся, английском дефиците мы имеем дело не с последствиями мирового кризиса, а с застарелым внутренним недугом самой Англии.

Все развивающееся со времени войны социальное законодательство Англии (рабочее страхование, бесплатное образование) представляет тяжелое бремя для государственного бюджета в связи с грозным, медленным, но неумержимым упадком английского хозяйства. Здесь не место останавливаться на причинах этого явления, начало которого восходит к 80-ым годам XIX века.¹⁾ Отсталая промышленность со времени войны теряет рынки. Из 2-3 миллионов английских безработных один миллион представляет (с 1920 года) постоянную величину. Это значит, при всех изменениях мировой конъюнктуры, государство вынуждено кормить миллионную армию людей, бесполезных для общества, отвыкших от труда. Но безработица лишь один из аспектов английского кризиса. Национальная гордость не хочет замечать всей остроты опасности. Общий лозунг всех англичан — сохранение довоенного уровня: заработка, образа жизни, *standard of life*. Нужно было государственное банкротство, чтобы Англия увидела под ногами разверзшуюся пропасть. Конечно, жестокая экономия — временно, по крайней мере, — есть выход из бюджетного и, следовательно, финансового кризиса. Вся Англия была призвана к жертвам. Рабочая партия ответила отказом, военный флот бунтом.

Во имя чего боролись Гендерсон и его друзья? Во имя сохранения рабочего *standard of life*. Конечно, это требование, само по себе, не заключает ничего чрезмерного и безумного. Хотя английской рабочей получает вдвое больше французского, его жизненный уровень, как и

¹⁾ См. ниже рецензию о книге А. *Siegfried*. *La crise britannique*.

рабочих всего мира, мало поднимается над Existenz-minimum'ом. По существу, он нуждается в увеличении, а не в снижении. Но где источники, где возможности? Рабочая партия и часть интеллигенции указывала на обложение имущих классов. Трудно судить издали, насколько еще может быть увеличено обложение капитала в Англии. Во всяком случае оно там уже достигло небывалых ставок. Государство конфискует, в видъ подоходного налога, треть, иногда половину крупных доходов. Увѣряют, что в некоторых случаях пошлины на наследство, в связи со страховыми взносами, поглощают все состояние. Продающиеся и заколоченные дома и виллы аристократии говорят о серьезности жертв, которые она несет. Но разорение капиталистов означает закрытие не только домов, но и предприятий, новую безработицу, паралич целых отраслей производства (предметов роскоши), — словом, осложнение кризиса. Как будто ясно, что при сохранении капиталистической системы уничтожение национального капитала (обращение его в государственные пособия) невозможно. Но рабочая партия требует сохранения standard of life. Неужели только этого? Да, только этого. У нее нет никакой программы социалистической реформы или революции, за которую она вела бы борьбу. Нельзя считать такой программой контроль над банками, который был принят в число избирательных лозунгов. Никто не думает, что кризис в Англии вызван спекуляцией английских банков. Самое большее, обвиняют банкиров континента, контролировать которых не властно британское правительство.

Финансовый контроль банков имеет смысл лишь как начало общей реорганизации национальной промышленности, в значительной мере, действительно, управляемой банками. Но тогда нужно сказать себе твердо, что с капиталистическим строем покончено. Это значит, Англия, руководимая рабочим классом, отплывает в будущее, в неизвестное, берет на себя риск и жертвы. Ясно, что при первом натиске на капитал, иностранное золото утечет без остатка, произойдет общее банкротство частных предприятий, которые государство должно будет взять на свою ответственность. Безработица, нищета и голод (где в Англии хлеб?) ожидают строителей. Их дело трудно, очень трудно — строительство социализма в одной стране. Нельзя сказать, что оно безнадежно. Но оно, во всяком случае, требует тяжелых жертв. Да и восстановленная под государственным контролем промышленность не может дать Англии больших доходов, чем промышленность капиталистическая. Где уж тут сохранять standard of life? Социализм может принести уничтожение безработицы, смягчение имущественных неравенств, социальный подъем труда, но едва ли, в ближайшее время, подъем standard of life. Скорее его понижение.

Другой путь — очень долгий, окольный, ничего не обещающий для настоящего дня: это путь международной борьбы с кризисом и с капитализмом. Создание международной валюты, международное ре-

гулирование производства, торговли и заработной платы... Но, в ожидании, что делать Англии?

Под водительством консерваторов Англия отказывается от международных опытов и обращается к системѣ национального протекционизма. На этом пути ее ожидают таможенные войны, которые в наше время всегда рискуют превратиться и в настоящие. Неизвестно, останется ли она победительницей в войне тарифов. Англия экспортирует от 20 до 30 процентов своей продукции. Независимость от внешних рынков для нее утопия. Возможно, что протекционизм готовит Англии новый крах. Но на этот путь ее толкают не только консерваторы, но и рабочая партия, которая предпочитает удар по Франции и Германии, безработицу в Европѣ и срыв мира — понижению standard of life.

Много говорят теперь о том, что рабочая партия Англии порвала со своим реформистским прошлым и стала социалистической. Под этим разумѣют ее «полѣвичис», т.-е. растущую комбативность и увлечение революционной фразой. В действительности, она до сих пор остается вѣрна своей тред-юнионистской традициѣ. Три четверти вѣка английской рабочей вел борьбу за повышение своего standard'a. В условиях почти монопольного роста английской индустрии, он добился значительных успѣхов. Его успѣхи были гордостью Англии и должны быть отнесены в актив цивилизации. И вся инерция того же импульса сохраняется в нашу совершенно иную эпоху — упадка английскаго и кризиса международного хозяйства, — когда вопрос поставлен не о стандартах, а о жизни и о творчестве новых форм жизни. И здесь, на путях творчества, классовое (марксисты сказали бы, профессиональное) сознание английского пролетариата вступает, — как некогда, на путях революции, — в конфликт с социалистической, прогрессивной и общечеловѣческой идеей рабочего движения. В этом главный — отрицательный — урок английскаго кризиса.

Г. Федотов.

НАШИМ КРИТИКАМ

Редакция «Новаго Града» предпочитает не входить в полемику с противниками и не отвѣчать детально на возражения. Мы полагаем, что спорные вопросы лучше будут выясняться в порядкѣ положительной, систематической их разработки. Тем не менее считаем нужным с самого начала устранить некоторые недоразумѣния, которые могут исказить лицо журнала в широких кругах, осведомленных о нашей позиции лишь по газетной прессѣ.

Прежде всего мы должны отвергнуть обвинение в эсхатологизмѣ.

Эсхатологические моменты неизбежно присутствуют в христианском мирозерцании. Но отсюда далеко до того, чтобы связывать конец истории с проблемами настоящего дня. Мы не считаем изжитыми творческие силы человечества. Мы не призываем катастрофы, и не спекулируем на нес. Война и мировая революция заполняют наше сознание только потому, что мы их не хотим (в отличие от русской, антибольшевистской революции, которой мы хотим) и ищем путей предотвращения их в творческом строительстве жизни.

Хотя мы пишем Новый Град с большой буквы, но мы просим не смешивать его с небесным Иерусалимом. Новый Град — это земной город, новое общество — *сité nouvelle* — должностующее смешить разлагающийся мир враждующих между собой империалистически-капиталистических государств.

Сколь бы великой ни рисовалась нам эта цель (лежащая все-же в пределах истории, и даже нашей исторической эпохи), мы не максималисты, и в движении к этой цели хотим быть трезвыми и считаться с действительностью. Наши критики правы: у нас нет программы, еще нет программы. Но у кого в мир сейчас есть программа, соответствующая всей грандиозной сложности переживаемого кризиса? Не обладая секретом спасения человечества (т.е. решения всех конкретных вопросов), мы тем не менее можем ставить вопросы и собирать материалы для их решения. Наше стремление — идти к наибольшей конкретности в изучении действительности, новой и непривычной в традиции русской мысли. Что при этом наша мирозерцательная установка помогает нам по-новому ставить многие вопросы, в этом преимущество нашей позиции, которая — именно потому, что это позиция христианская — оказывается реалистической.

На путях конкретных решений мы особенно чувствительны к обвинению в недооценке формальной свободы во имя свободы реальной. Каковы бы ни были отдельные высказывания отдельных наших сотрудников (а «Новый Град» допускает очень широкую возможность дискуссии), редакция в целом утверждает, что она дорожит и не думает отказываться от принципа формальной свободы, т.е. политически обеспеченного права на самоопределение личности и самоуправление общества. Эти драгоценные завоевания нашей культуры не подлежат урезыванию, а лишь дальнейшему развитию в новом социальном строе.

Редакция.

Книги

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ. Утверждение евразийцев, кн. VII, 1931.

Последний евразийский сборник открывается статьей П. Н. Савицкого: «В борьбе за евразийство». Статья имеет целью подвести итоги «полемики» вокруг евразийства в 20-х годах». Автор прав, указывая на неосновательность многих критических нападок на евразийство, как научное направление. Все же статья его в некотором отношении — ошибка. Евразийство отпугивало и отталкивало прежде всего своими двумя чертами: учением о «правящем отборе» и отождествлением «русскости» (евразийское слово) с абсолютной Истиной. Позитивно-научная база, которую евразийство подводило под свою идеологию и программу, бралась под подозрение именно поэтому. В самых научных ценных утверждениях евразийцев критики чуяли заднюю мысль и допустили немало несправедливостей. Но поскольку удары направлялись на эту заднюю мысль, критики были правы. Теперь, насколько можно судить по содержанию сборника, интерес евразийцев все больше направляется от идеологии к научному ее обоснованию. Как раз в этой области — сила евразийства. Мне уже нередко приходилось высказываться о значении

евразийской теории «мѣсторазвитія». Строго говоря, только с усвоения этой идеи, впервые приложенной гениальным Мишле к истории Франции, история становится конкретной наукой. В России у евразийцев был только один предшественник, Шапов, ¹⁾ которому, однако, недостаток дисциплины, в первоначальном и в общепринятом значении этого слова, помешал стать русским Силли. В стремлении представить русский культурно-исторический процесс, как функцию мѣсторазвитія, заслуга опытов обзора русской истории, принадлежавших Г. В. Вернадскому. В последнем евразийском сборнике, в статье П. В. Логовинова («Научные задачи евразийства») намечается программа работ по исследованию России с этой точки зрения. Очень ценна статья П. Н. Савицкого «Главы из Очерка Географии России», дающая общую характеристику русской экспансии и устанавливающая ее ритмику. Замечу кстати, что геополитические и историко-географические идеи Савицкого нашли себя недавно разительное, хотя и косвенное, подтверждение в работах Р. О. Якобсона, выяснившего на

¹⁾ на значение Шапова в этом отношении я указал в моей статье «Geopolitical conditions of the evolution of russian nationality», в *The Journal of Modern History*, 1930, т. II.

личность одного весьма существенного языкового признака, общего всем языкам «евразийской» группы и только этим языкам, — признака, который автор считает вторичным, приобретенным, результатом языкового взаимодействия в пределах «евразийского» мира; причем замечательно, что границы распространения этого признака почти всецело совпадают с географическими границами Евразии, установленными Савицким еще тогда, когда исследованием Якобсона ему не были известны.²⁾

Не раз, по поводу научных взглядов «евразийцев», высказывались мнения, что никаких открытий евразийцы не делают, что они выдают за новые факты всем давно известные. Техника исторической науки приучила историков придавать особое значение тому, что вычитывается из «документов». Если мѣрить этой мѣркой, то выйдет, что и Смирн не произвел никакого переворота в английской исторической науке, ибо о дѣятельности Клайва и Гастингса англичане знали и до него. Увидѣть по новому значение всем известным фактам и их соотношение — это тоже открытiе и иной раз болѣе существенное, нежели открытiе новых архивных данных. В каждой новой научной концепции есть еще одна сторона, всегда положительная, хотя бы даже новая концепция была ложной: она приучает увлеченных ею вообще ви-

²⁾ См. P. Savicky, L'Eurasie relevée par la linguistique, в Le Monde Slave, 1931, I и там же: R. O. Jakobson, Les Unions phonologiques de langues.

дѣть вещи по новому.

Ничего специфически евразийского нѣтъ в двух остроумнѣйших статьях В. Н. Ильина, посвященных идеологии марксизма: «Эйдократическое преображенiе науки» и «Под знаком диалектики». В первой автор исследует природу марксизма, как идеи-силы, с большой глубиной вскрывая различие между двумя категориями идей: идеями-силами и «чистыми» идеями, лишенными дѣйственности продуктами теоретизирования, и убедительно показывает, что побѣда марксизма была обусловлена именно тѣм, что из всех послѣкантовских идеологий, марксистская оказалась единственной, способной оформиться в мiо — пусть внутренне порочный. Замѣчательны вообще соображенiя автора о значенiи мiоа (они не так уж новы, восходят еще к Вико, но современные «scientistes» обычно относятся к мiоу с пренебреженiем). Во второй статьѣ исключительно цѣнна мысль, что марксизм с его теорией концентрации капитала и «Verelendung» есть продукт не капиталистическо-машинного режима вообще, а свойственной этому режиму в данное время техники паровых двигателей, и что происходящая нынѣ революция техники — переход к «децентрализованному типу двигателя» — должна перестроить все будущее хозяйство и вмѣстѣ с тѣм положить конец всей теории марксизма. Нельзя, однако, не сдѣлать одного замѣчания. Утверждая, что в новой эпохѣ, в которой «предвидится ограниченiе и, может быть, исчезновение вращенiя, вала и трансмиссии» и что

вмѣстѣ с этим и, очевидно, по его мысли, в связи с этим, «вновь намѣчается господство религии и этики над социологией», автор сам впадает в марксистскую ересь о приматѣ бытiя над сознанием. Не есть ли это плод евразийского умонастроения? У евразийства с марксизмом есть нѣчто общее: вѣра в безусловную зависимость культуры от «мѣсторазвитiя» — не есть ли это по существу «исторический материализм»?

Отчасти по недостатку мѣста, отчасти по некомпетентности, я не могу коснуться других статей сборника. Моя цѣль была на нѣскольких примѣрах показать, в каком направленiи движется евразийство, и насколько и чѣм оно содѣйствует обогащенiю и обновленiю научной мысли вообще.³⁾

П. Бидцели.

André SIEGFRIED. La crise Britannique au XX siècle. Ed. Colin. Paris. 1931.

Книга Зигфрида вышла как раз накануне финансового и политического кризиса 1931 года. Читатель не найдет в ней объясненiя

³⁾ Дополню изложенiе еще одним примѣром — превосходной статьи П. Н. Савицкого, «Литература факта в Слоувѣ о полку Игоревѣ» (Прага, 1930), соприкасающейся с историко-географическими исследованиями автора, в которой он вскрыл цѣлый ряд замѣчательно точных географических указаний в описанiях природы, разбѣянных в Слоувѣ, и тѣм самым установил новые точки зрѣния для эстетической оцѣнки этого памятника.

последних событiй, но он найдет ключ к ним: необходимая экономическая пролегомена к политическому и финансовому кризису.

Зигфрид умный и талантливый наблюдатель, книга которого о французских партиях имѣла недавно большой и заслуженный успѣх. Долголѣтняя жизнь в Англии и вмѣстѣ с тѣм свобода от английских традиций и предубѣждений дѣлает автора особенно компетентным диагностом английской болѣзни.

Ничего не преувеличивая, спокойный и скорѣе сочувственный аналитик слѣдит за понижением кривой английской индустрии, английской торговли и ростом безработицы. За цифрами встают грозные факты технической стагнации и слабой организованности английской промышленности, даже по сравненiю с послѣвоенной Францией. Капиталы не приливают в индустрию и предпочитают искать помѣщенiя за границей, создавая конкурентов своей странѣ. Презрѣнiе к конкуренции, нежеланiе бороться за рынок современными способами приспособления и рекламы, пониженiе рабочей энергии (даже числа рабочих часов) в предпринимательском классѣ рисуют аристократическое перерожденiе старой буржуазной Англии. Сокращенiе эмиграции, нежеланiе безработных искать счастья в колонiях, нѣкогда освоенных трудом их безработных предков, предпочтенiе обезпеченной бѣдности борьбѣ и риску, дополняют картину этого паденiя английской духа экспансии — в рабочем классѣ.

Интересна критика предлагаемых мѣр для борьбы с застарѣлым кризисом — по трем направлениям: рационализации, инфляции и протекционизма. В настоящее время, как известно, Англія ищет спасения на обоих путях: волевого протекционизма и невольной инфляции. Любопытно, что автор, скептически настроенный к протекционистским попыткам, сочувственно относится к инфляции.

Мастерской анализ имперских связей и перспектив Англіи, ослабления экономического и политического единства на фонѣ неизмѣнного единства культурного и, в широком смыслѣ, національного, завершает картину. Будущее Англіи не рисуется безнадежным, хотя о сохраненіи бывшей экономической монополии и политической гегемонии не может быть и рѣчи. Социальная установка автора скорѣе консервативна. Для него пролетариат, по старому, «рабочія руки», пониженіе цѣн на которых — самоочевидное хозяйственное благо. Нѣтъ и намеков на возможность трансформации экономического строя. Это не лишает книгу Зигфрида фактической и даже документальной цѣнности. Блестяще написанная, сжатая (216 стр.), она может служить превосходным введеніем в английскую проблему.

Г. Ф.

«1931 ГОД». Что такое Россия? К чему она пришла?
Бѣлград. 1931.

Переломная эпоха вызывает стремление осмыслить сущность кризиса и найти пути исцѣления.

От многих других трудов, написанных на эту тему, «1931 год» отличается исключительным единством содержания, проникнутаго цѣльным мировоззрѣніем, сохранившим многія черты старого народничества.

Исходя из «первоцѣнности человеческой личности», автор, не пожелавший подписать своего имени, создает схему типов общественной жизни и исторического развития, основанную на различеніи трех видов «цѣлестремительности» человека: автоматического, авторитарного и автономистического, причем послѣдній осуществляется в свободном социальном сотрудничествѣ, в творческом самоопредѣленіи. Гуманистическій идеал «автономизма» имѣет свою опору в христіанствѣ.

Автор видит трагедію Европы в подчиненіи цѣлевого автономизма — автономизму средств. Покопив силы природы, человек подчинился механическому темпу их развития. Общее цѣлосознаніе померкло, и великій расцвѣт духовной культуры прекратился в срединѣ XIX вѣка. В области социальной «автономической реформизм» Фурье, Мадзини и др. был заглушен марксизмом, сочетавшим культ автоматической эволюции и авторитарной эволюции. Западная Европа на распутьи, и автор не увѣрен в ее спасеніи, ибо душа европейца «пуста и темна».

Можно было бы замѣтить, что классификація, основанная на качествах цѣлестремлений, не проникает вглубь душевных переживаній и довольствуется обнаруженіем симптомов. Тѣм не менѣе она

дает критерій для поучительной оцѣнки общественных явленій. Пессимизм автора по отношенію к Западной Европѣ столь же глубок, как оптимизм его по отношенію к Россіи. Но безлюбозное изученіе человека рѣдко дает вѣрные результаты, и трудно согласиться с опредѣленіем европейца, как «машинного автомата». При болѣе сочувственном наблюденіи, автор замѣтил бы, может быть, в душѣ европейца начало героичности и не утверждал бы безоговорочно отмирание религіи и морали. Не мало признаков обратнаго. Впрочем, автор сам отмѣчает рост перед войной духовно-творческого начала и допускает возможность «созидательной реформации».

За то к Россіи, к русскому народу, любовь его устремлена с волнующей искренностью и силой. Оптимизм проявляется тройко: в опредѣленіи основных свойств Россіи, в увѣренности, что большевизм безсилен измѣнить ее духовный облик, в вѣрѣ в ее великое будущее. Находя в русском народѣ ярко выраженныя начала «реформационнаго автономизма», воспитанныя географическими и историческими условіями, автор, увѣренный в скором паденіи большевиков, указывает на неизбежность самобытнаго разрѣшенія главных россійских проблем, для процвѣтанія Россіи и исполненія ее мировой миссии.

Государство сложно-национальное, но спаянное объединяющей культурой, Россія даст примѣр между-национальнаго замирения,

опираясь в борьбѣ за мир на славянство и восточныя страны.

В области хозяйственной, отказавшись от слѣпнаго подражанія Западу, она осуществит хозяйство самодостаточное, «оптимальное», цѣлесообразно регулируемое, без капиталистического максимализма, губящаго Европу. Социальный строй Россіи — под знаком трудовой кооперации, на основѣ самодѣятельнаго крестьянства.

Строй государственный — с упором на мирскіе, вѣчные навыки, сохранившіеся от древней Руси. Разгрузка государства от ряда функций в пользу широчайшаго самоуправления и кооперации. Построеніе народоправства от мѣстных органов к центральным, снизу вверх.

Культурное творчество, запечатлѣнное духом органичности и синтетичности, свойственным русскому народу.

Россія, едва освоившая свои территории в процессѣ тысячелѣтняго творчества, лишь вступает в період возмужалости.

Со многим можно было бы согласиться, если бы рѣчь шла о возможности, о тенденціи россійскаго развития. Но безоговорочность прогноза такого рода мыслима лишь при немалой идеализации Россіи, и в особенннсти ее крестьянства. Напримѣр, автор не допускает и мысли, что большевистскій «авторитаризм» проник в русскую народную душу. А доказывая, что крестьянство наше, единственное в мѣрѣ, объединено в трех-ярусную кооперацию: производственную, распределительную и мѣновую, автор под «про-

изводственной» понимает, в первую очередь, большія семьи. Между тѣм ко времени колхозной катастрофы число крестьянских хозяйств увеличилось почти вдвое: большія семьи исчезли. Нельзя согласиться и с тѣм, что большинство крестьян покинуло колхозы, что оно побѣдило их. К прискорбію, это не так. Возвеличивая крестьянство, автор весьма суров к интеллигенци: отзвуки старо-народнических настроеній.

Но критика отдѣльных пунктов не должна ослабить общаго чрезвычайно отраднанаго впечатлѣнія от этой небольшой книги, богатство содержанія которой дѣлает невозможным краткое резюмирование. «1931 год» является уже своего рода резюме ряда больших научных работ автора.

Мужественная вѣра в русский народ проникает книжку, исполненную мѣтких исторіософических экскурсов (в частности — о фазах развитія русской интеллигенци, о роли самодержавія). Многие может вызвать возраженія. Напримѣр, анализ причин побѣды большевизма: твердокаменный, изувѣрскій антигуманизм должен был взять верх над размягчившимся, затуманившимся гуманизмом «ушадочной» предвоенной интеллигенци. Но прочесть этот труд слѣдует всякому, чьи думы с нашей родиной.

С. Жаба.

Г. Н. ПОЛКОВНИКОВ. «Диалектика Исторіи». (Париж, 1931. Изданіе Евразійцев).

Мнѣ кажется, что книга г. Полковникова не может служить примѣром научных достижений евра-

зійства. Книга эта безспорно учена, но как-то по ученически учена. Кажется, что автор, уже приступив к писанію, стал разбираться в Гегелѣ, Шпенглерѣ, романтиках, славянофилах и не успѣл сказать ничего своего. Когда автору приходится, в новой связи, говорить о том, что было сказано им раньше, он не просто ссылается на сказанное, но почти слово в слово повторяет это (ср. напримѣр, стр. 54 и 36). Так случается писать людям, охваченным новой, в их сознаниі еще не оформившейся до конца мыслью — так писали Бэкон, Вико, Гердер. Но, вѣдь, автор в мѣстах, на которыя я сейчас сослался, не говорит ничего новаго. В книгѣ, помѣченной 1931 годом, странно читать формулы, извлеченныя из старых гимназических учебников, — напримѣр, «разсудочнаго искусства» времени «ложно - классицизма» (стр. 32, 34 и 134). Иныя формулы автор прилагает к явленіям, к которым онѣ не имѣют ровно никакого отношенія.

Досаднѣе всего, что в трудѣ, главная цѣль котораго — критика западно-европейской культуры, не сказано ничего о современном культурном кризисѣ, дающем столь много для болѣе углубленнаго и вмѣстѣ болѣе точнаго, чѣм прежде, пониманія сущности этой культуры, как особаго процесса.

П. Бицилли.

Le gérant : Rossel-Chiot.

IMPRIMERIE
DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE
D'ÉDITIONS FRANCO-SLAVES,
32, rue de Ménilmontant, Paris

